

Евгений Белогорский

В ГОДИНУ
СЛАВЫ И ПЕЧАЛИ

ВОЕННАЯ ФАНТАСТИКА

Военная фантастика (АСТ)

Евгений Белогорский

В годину славы и печали

«Издательство АСТ»

2022

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

Белогорский Е. А.

В годину славы и печали / Е. А. Белогорский — «Издательство АСТ», 2022 — (Военная фантастика (АСТ))

ISBN 978-5-17-151421-1

Черчилль поздно понял, что главная его ошибка заключалась в оказании поддержки Корнилову в его мятеже против Керенского. Но битва за Европу еще только начинается, и британскому бульдогу предстоит сделать многое, чтобы укротить русского медведя.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-445

ISBN 978-5-17-151421-1

© Белогорский Е. А., 2022
© Издательство АСТ, 2022

Содержание

Глава I	6
Глава II	21
Глава III	35
Глава IV	53
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Евгений Белогорский
Во славу Отечества! – 3
В годину славы и печали
Роман

* * *

Выпуск произведения без разрешения издательства считается противоправным и преследуется по закону

© Евгений Белогорский, 2022

© ООО «Издательство АСТ», 2022

Глава I

Размышление о будущем

Календарь на столе главковерха Корнилова показывал 2 сентября, когда он принял в своем походном кабинете специального посланника московского генерал-губернатора Алексева. Его неизменный помощник генерал Духонин надолго застрял в своем оперативном отделе, тщательно вычитывая все последние сводки и сообщения, поступающие с фронтов. Готовилось новое наступление на Западном фронте, и генерал от инфантерии Духонин страстно желал, чтобы и эта операция стала неприятным сюрпризом для врага.

– Прошу садиться, господин Иванов, – радушно произнес Корнилов, указывая рукой гостю на один из стульев возле своего стола.

Черноволосый Иванов, именно под таким псевдонимом проходил по всем документам бывший эсдек, а ныне ближайший помощник Алексева Иосиф Сталин, мало изменился с момента их последней встречи. Только едва заметные черные тени под глазами выдавали бессонные ночи этого трудоголика, но пока они хорошо скрывались на лице тридцатидевятилетнего мужчины.

– Я смотрю, вы не стали надевать французский подарок, – поинтересовался Корнилов, окинув взглядом скромный полувоенный френч прибывшего советника.

– В другой раз, – коротко бросил Иванов, показывая всем своим видом, что не придает слишком большого значения полученному ордену Почетного легиона.

– Я вас внимательно слушаю, – сказал Верховный, – можете курить, если хотите.

Он хорошо помнил, как часто Иванов курил свою небольшую трубку во время переговоров с союзниками, что несколько нервировало гостей.

– Спасибо, но это чуть позже. – Собеседник неторопливо щелкнул зажимами своей кожаной папки, словно опытный укротитель, слегка приоткрыв клетку, из которой в нужное время и место должны будут выскочить бумажные тигры.

– Я нисколько не сомневаюсь в нашей полной победе над врагом и в том, что ее окончание лишь вопрос времени. Но скажите мне, Лавр Георгиевич, что вы собираетесь делать после победы? – спросил Иванов, глядя на главковерха чуть прищуренным взглядом.

По тому смущению, появившемуся на лице Корнилова, можно было со всей уверенностью судить, что об этом аспекте он совершенно не задумывался, ведь сейчас главное было именно победить, а там видно будет, как говаривал Буонапарт Наполеон. Однако это замешательство длилось несколько секунд, Корнилов собрался и, глядя на собеседника своими узкими глазами, быстро произнес:

– Уточните, пожалуйста, что вы имеете в виду, это слишком объемный вопрос.

– Охотно уточню, Лавр Георгиевич. Я хотел спросить, что вы будете делать со всей огромной массой людей, временно одетых в серые шинели?

– Странный вопрос, господин Иванов, естественно, большая часть солдат сразу по окончании войны будет демобилизована, нельзя же постоянно содержать под ружьем три с половиной миллиона человек.

– Я еще раз уточню, Лавр Георгиевич, а что они будут делать дома после возвращения с фронта? – спросил Иванов, и Корнилов моментально понял, о чем так настойчиво спрашивал его кавказский собеседник.

– Я вас внимательно слушаю, – произнес он и, положив подбородок на сцепленные пальцы рук, обратился в слух.

– Россия, господин Корнилов, это сугубо крестьянская страна, всего около 24 процентов нашего населения проживают в городах, все остальные в деревнях. Поэтому основная масса

демотивированных солдат ринется именно туда, и согласно вашим прежним обещаниям, будут требовать для себя землю. А свободной земли, как вы знаете, нет. Даже выкуп части наделов у крупных землевладельцев и раздача ее ветеранам полностью не решит этого извечного русского вопроса. Не хватит ни земли, ни денег, несмотря на то что мы удачно сняли финансовую удавку с нашей шеи. То, что летом семнадцатого года крестьянские выступления с погромами помещичьих усадеб и самовольный захват земель были удачно подавлены войсками, это отнюдь не полное и окончательное решение земельного вопроса, поверьте мне.

– А если растянуть демобилизацию и не допустить одномоментного возвращения этой взрывоопасной людской массы? – живо спросил Корнилов, прекрасно представив себе картину скорого будущего страны-победительницы.

Иванов хитро прищурил глаза, видя, как сильно зацепили его слова главковерха.

– Боюсь, что эта мера не способна полностью решить эту проблему, а только отодвинет ее на некоторое время. Без скорого решения земельного вопроса массовые выступления крестьян неминуемы, а особенно при большом количестве оружия, которое осело в России за это время, они будут особенно опасны. Люди, привыкшие убивать за четыре года войны, не будут особенно церемониться при защите своих интересов. Как военный человек, вы лучше меня знаете, как трудно и долго нужно отучать бывшего мирного человека от пагубной и опасной привычки решать все проблемы с помощью оружия. Заметьте, Лавр Георгиевич, что, в отличие от всех наших прошлых войн, эта война оказалась столь массовая, что ее трудно сравнить с чем-либо другим из обозримого прошлого. Как сказал один ученый человек, это Мировая война, поскольку почти захватила весь земной шар.

Желтое скуластое лицо Корнилова не дрогнуло ни единым мускулом за все время этого разговора. Он внимательно слушал своего собеседника, и хотя это было ему неприятно слышать, он понимал, что Иванов во многом был прав, поднимая эту застарелую проблему страны.

– Надеюсь, что вы приехали ко мне не для того, чтобы просто попугать грядущими бунтами. Что конкретно вы можете предложить мне для действенного решения столь важного вопроса? Я вас внимательно слушаю, – бросил правитель, откидываясь на жесткую спинку своего стула.

Лицо Иванова ничуть не изменилось от этих слов. Он неторопливо достал свою трубку и принялся набивать ее табаком.

– Как вы правильно сказали, демобилизацию следует растянуть на шесть-семь месяцев, что позволит нам в какой-то мере регулировать людские потоки, идущие с фронта в тыл. Следует отправлять солдат только эшелонами и строго по графику, доставлять их в Москву, главный пункт их дальнейшего следования. Но самое главное в моем предложении – это вообще не допустить массового возвращения солдат в их деревни.

– И как вы это себе представляете, создание под Москвой специальных лагерей или что-то в этом роде? А кто их будет охранять, свои же братья солдаты, еще не успевшие демобилизоваться?

– Нет, никакое насилие в этом деле недопустимо, оно лишь породит другое насилие и ничего более. Мы считаем, что большую часть солдат надо заинтересовать реальной возможностью заработать хорошие деньги на государственном строительстве, и это должно быть гораздо больше того, что они получают за работу на селе.

– И что прикажете строить, новую Вавилонскую башню? Ведь в Москве и Питере невозможно будет начать массовое строительство, при всем нашем с вами желании, – хмыкнул недоброжелательно Корнилов, однако с интересом дожидаясь ответа Иванова.

Тот, держа в руке не зажженную трубку, сделал движение рукой, как бы очерчивая возникающую проблему.

– В Москве и Питере много чего можно построить, Лавр Георгиевич, было бы желание и государственное финансирование, но это сейчас не столь важно, поскольку эти стройки, как

вы точно сказали, не смогут полностью разрешить стоящую перед нами задачу. В течение двух месяцев я много разговаривал с различными специалистами, интересуясь, куда можно направить с пользой для дела всю эту освободившуюся с фронта массу людей? Где следует разворачивать места новых строительства. Ответов, естественно, было очень много, но большинство из них сходились в одном и том же: для укрепления экономики и мощи русского государства в первую очередь необходимо поднимать Южный Урал. При этом вопрос стоит о полномасштабном освоении этого края, а не лихими кавалерийскими наскоками, как это делалось ранее в поисках сиюминутной выгоды и барыша. Следует в кратчайшие сроки разработать его богатейшие запасы полезных ископаемых, одновременно создать новейшие заводы по переработке сырья в продукцию, прокладывать к ним железные дороги и строить новые города.

Вслед за Уралом есть много мест в нашей европейской части страны, в которых имеются не разработанные залежи крайне нужных для страны ископаемых. Так, согласно недавно поданной мне записке профессора Обручева, в недрах Донбасса имеются огромные запасы каменного угля, железной руды в Курске, а также на юге Украины. Одновременно с этим не стоит забывать о необходимости восстановления территории наших западных губерний, пострадавших от войны. Одним словом, работа людям найдется, лишь бы на это дело были бы отпущены казной деньги.

Иванов неторопливо встал со стула и стал прохаживаться перед столом, одновременно разворачивая перед глазами сидевшего Корнилова огромные перспективы развития страны после войны.

– Тех, кто не прельстится возможностями хорошего заработка на этих строительствах, можно будет переселить на вновь присоединенные к нам земли в районе черноморских проливов, предварительно, естественно, выслав оттуда всех турок и прочий чужеродный для нас элемент. Эта мера не очень популярная, и господа западные демократы обязательно поднимут вой, но если мы хотим полностью присоединить к себе этот анклав, то у нас выбора нет. Кто же будет заинтересован в получении больших земельных наделов, то, продолжая политику господина Столыпина, можно будет предоставить им земли на юге Сибири и в северных кайсацких степях, вполне пригодных для земледелия, предварительно выдав из казны подъемные средства для переезда и обживания на новом месте. В результате всех этих мер со временем мы сможем оторвать часть крестьян от деревни и перевести их в город, сделав, таким образом, процентное соотношение города к деревне сорок к шестидесяти. Как видите, работы там непочатый край и не на одно десятилетие.

Говоря эти слова, Иванов неторопливо по-хозяйски обводил на глобусе Корнилова те или иные участки земной суши черенком своей прокуренной трубки.

– Однако у вас и размах, уважаемый, – прищелкнул языком Корнилов, – это же сколько денег нужно будет вложить в ваши проекты. И где их взять, опять занимать у союзников?

– Не так уж и много на первое время. Вот предварительные выкладки наших затрат на первые два года, сделанные по моему запросу чиновниками министерства финансов. При этом часть денег нужно выделить уже сейчас для подготовки новых рабочих мест, чтобы возвращающиеся с фронта люди не болтались без дела по Москве, а сразу направлялись к местам новых строек. По мнению специалистов, наша казна вполне потянет этот проект, если деньги тратить разумно, не давать их разворовывать их на местах. Генерал Алексеев предлагает создать особую экономическую полицию для надзора за всеми финансовыми потоками, которые будут специально выделены на это дело. Дзержинский уже представил список кандидатов для осуществления надзора. Вот он, вы с ним можете ознакомиться.

Бумаги ровной стопкой ложились на стол Верховного, неторопливо извлекаемые туда из кожаной папки Иванова.

– Кроме этого, для укрепления рубля и отсечения огромной денежной массы, возникшей за время войны, необходимо провести денежную реформу по обмену старых купюр на новые

банкноты, с одновременной их деноминацией. Вот записка молодого финансиста господина Зверева, он все здесь очень доходчиво и просто расписал. При этом деньги до тысячи рублей будут обмениваться один к одному, тогда как свыше указанной суммы – один к десяти или один к ста, в зависимости от уровня инфляции на момент окончания войны.

Иванов неторопливо опорожнял содержимое своей папки, превращая маленький холмик аккуратно исписанной бумаги в солидный Монблан. Корнилов похлопал его рукой и заверил своего собеседника:

– Обязательно их прочту в самое ближайшее время, обещаю вам. Я прекрасно понимаю всю подоплеку вашего плана по переделке России из сугубо аграрной страны в индустриальную державу. Это очень хорошо, но позвольте спросить, а ради чего строить нам все эти заводы и фабрики, где мы возьмем столько инженеров и прочих специалистов для их обслуживания?

– На первых порах, конечно, придется приглашать немецких специалистов, после войны их в Германии много будет безработных, но вместе с этим необходимо воспитывать и свои кадры, строить школы, институты.

– И сколько их нужно построить и где взять для них кадры?

– Здесь все рассчитано, господин Корнилов, – лукаво сказал кавказец, вынимая очередную бумагу из своей папки, – сколько и где строить на первых порах, а что касается кадров, то наша земля не оскудела талантами, смею вас заверить.

Корнилов положил и эти листы в свою горку бумаги и задумался.

– Я так понимаю, что это только небольшая часть послевоенных реформ, не так ли?

– Совершенно верно. Россия нуждается в больших переменах, Лавр Георгиевич, и чтобы провести наш корабль сквозь опасные рифы, ей нужен смелый капитан.

Услышав последние слова Иванова, Корнилов с удивлением поднял на него глаза. Он твердо наметил для себя скорую отставку после окончания войны и передачи власти Учредительному собранию.

– Поясните.

– Боюсь, что господа политиканы не смогут провести все то, о чем мы сейчас с вами говорили. Совсем не смогут, – Иванов вновь затянулся трубкой и пыхнул дымом. – Это они прекрасно доказали в семнадцатом году. Нужна твердая рука, хотя бы на пять лет, чтобы это все заработало.

Собеседник энергично ткнул черенком трубки в сторону бумаг и выразительно посмотрел на Корнилова.

– Иначе все те жертвы, которые понес русский народ до этого дня и которые еще будут после, будут напрасными, а значит, на руку нашим недругам. Одним словом, вам еще рано уходить на покой. Мало выиграть войну, надо еще суметь закрепить за собой ее успехи. Вспомните Берлинский конгресс 1878 года.

Иванов мог не напоминать Корнилову об этом конгрессе, его результаты он хорошо помнил.

– Когда надо дать ответ по вашим бумагам?

Кавказец махнул рукой в сторону лежавшей на столе кипы:

– Когда хотите, Лавр Георгиевич, время терпит. А лучше послезавтра.

– Хорошо, я дам вам ответ в указанный срок, – сказал сраженный стальной хваткой своего гостя Корнилов, – послезавтра к обеду я жду вас у себя.

Главковерх нажал кнопку звонка, и сейчас же в дверях появился Покровский.

– Господин подполковник, я назначил господину Иванову повторную аудиенцию на послезавтра к обеду. Если там что-то наслаивается, сдвиньте. Где вы остановились?

– Господин Алексеев любезно предоставил мне свой литерный поезд.

– Тогда всего доброго, – и Корнилов пожал на прощание руку своему гостю. – Проводите.

Оставшись один, Корнилов попытался начать читать предложенные ему документы, но дверь отворилась, вошел Духонин со свежими данными с фронтов, и работа главковерха перешла в сугубо военную область.

Начальник полевого штаба главковерха привычно разложил карту Западного фронта на большом столе Корнилова, положив на ее нижний край стопку бумаги, исписанной мелким, аккуратным почерком.

– Итак, Николай Николаевич, вы стоите за продолжение наступления войск Западного фронта, несмотря на явную возможность флангового удара со стороны Восточной Пруссии?

– Совершенно верно, Лавр Георгиевич. Согласно последним докладам, конные корпуса Крымова и Краснова, Келлера и Мамонтова хотя и понесли ощутимые потери в предыдущих боях, но, по заверениям своих командиров, могут начать новое наступление. Сейчас весь вопрос в пехоте, которую мы спешным образом перебрасываем по железной дороге на Седлец и на грузовиках к Сандомиру.

Рука Духонина плавным движением обвела карандашом на карте указанные районы и замерла над Варшавой.

– Согласно последней сводке авиаразведки, немцы не стали укреплять и занимать старые варшавские форты, сосредоточив все свои силы на новогоргиевском и ивангородском направлениях. Скорее всего, их расчет строится на уничтожении мостов через Вислу при приближении наших войск к Варшаве и, создав плотную оборону на берегу Вислы, заставить начать штурм новогоргиевской и ивангородской крепостей. Это остановит наше наступление на Варшаву и одновременно позволит им ударить по нашему правому флангу со стороны Сувалок с выходом на Гродно. Там у нас сейчас нет сплошной линии фронта, и только стоят заслоны Таганрогского полка, прибывшего из второго эшелона.

– Насколько реальна подобная угроза для наших войск? – спросил Корнилов, оценивая по карте всю серьезность вероятных действий врага.

– Сейчас в большинстве своем германские войска, расположенные в Восточной Пруссии, по-прежнему состоят из ландвера, который не подходит для нанесения хорошего контрудара с выходом в наш тыл. Людендорф спешно проводит их вынужденную замену на элитные части с Западного фронта. Об этом свидетельствуют данные разведки, отмечающие усиленную нагрузку по перевозкам на железнодорожной линии Берлин-Кенигсберг. Думаю, что для полной ротации всех войск противнику понадобится неделя-полторы, никак не менее. Чтобы не дать противнику возможность опередить нас, я обратился к генералу Шукину с просьбой вновь задействовать подполковника Покровского, передав через него дезинформацию о нашем готовящемся наступлении на Кенигсберг со стороны Мазурских озер. Немцы очень верят информации, поступающей от Покровского, и поэтому, вместо наступления в Восточной Пруссии, будут готовиться к обороне. Это позволит нам выиграть время и нанести свой главный удар в центре. Одновременно с этим войска Миллера и Маркова смогут основательно подготовиться к обороне, и если немцы все-таки начнут наступление, то получат достойный отпор.

– Ваше предложение принимается, но смотрите, Николай Николаевич, не переиграйте с Покровским. Человек и так более полугодом ходит по лезвию ножа и рискует не только собой, но и жизнью своей жены.

– Не беспокойтесь, Лавр Георгиевич, Покровский и его жена находятся под надежной охраной, – заверил главковерха Духонин.

– Тогда вернемся к нашим баранам, – пошутил Корнилов, – я полностью с вами согласен, что основной удар на Варшаву нужно наносить с юга от Сандомира, отсекая таким образом Ивангород с его мощными фортами и открывая возможность продолжения нашего дальнейшего наступления на Лодзь. Немцы явно не ожидают удара кавкорпуса с этой стороны, продолжая считать, что конница Келлера по-прежнему будет нацелена на австрийцев.

– Да, Лавр Георгиевич, – согласился Духонин, – Людендорф уже наверняка свыкся с идеей действия только двух конных корпусов на одном фронте. Что ж, это будет для него неприятным сюрпризом, поскольку он продолжает мерить нас по привычному для себя шаблону.

– Что говорят синоптики, не сорвут ли дожди все наши блестящие планы, как это было неоднократно ранее. Сможет ли кавкорпус Келлера удачно действовать при прорыве вражеского фронта?

– Синоптики твердо обещают безгрозовую погоду на неделю, а далее неизвестно.

– Успеет ли комфронта генерал Клембовский все подготовить к началу наступления? Все-таки он на этой должности около месяца, после отставки Рузского. Справится?

– Я уже говорил об этом с Сергеем Леонидовичем, но он продолжает настаивать на сохранении за ним поста командарма-три и полностью уверен в способностях Владислава Наполеоновича.

– Хорошо, будем надеяться на проницательность Маркова. Понтонные части, на случай если немцы успеют взорвать варшавские мосты, готовы?

– Так точно, генерал-майор Шварц уверяет, что за сутки сможет навести переправу в любом указанном ему месте.

– Хорошо, тогда давайте обговорим некоторые детали, – и Корнилов раскрыл свой старый потертый блокнот, изрядно похудевший за этот год.

Начальник полевого штаба легко и уверенно сыпал цифрами на любой из вопросов главковерха, и от его ответов грудь Корнилова наполнялась гордостью и уверенностью в новой победе. Духонин, действительно, по праву получил недавно из рук Корнилова орден Георгия II степени и звание генерала от инфантерии, за успешные летние наступления русской армии.

Наградной дождь щедро пролился над всеми, кто своими деяниями способствовал разгрому врага. Так истинный герой Западного фронта Сергей Марков получил звание генерала от инфантерии и орден Владимира I степени с мечами, генерал-лейтенант Дроздовский – орден Георгия II степени и золотое оружие.

Орден Георгия I степени получил генерал от инфантерии Деникин за Галицкую битву, а генералы Келлер и Мамонтов – по Анне I степени и георгиевскому оружию. Корнилов никого не обижал из своих генералов, смело повышая их в звании и осыпая наградами. Сам он согласился принять звание фельдмаршала только под напором со стороны генерала Духонина, убедившего Корнилова, что ему, как Верховному командующему страны, не к лицу быть просто генералом от инфантерии в числе других генералов русской армии.

Если в могилевской ставке главковерха светило солнце, то над Шарлоттенбургом второй день моросил мелкий противный дождь. Подобная осенняя погода всегда нагоняла на кайзера Вильгельма грусть и ипохондрию, а теперь, вкупе с нерадостными известиями с фронтов, она вызывала у императора зеленую тоску.

Однако живой злой ум Вильгельма не долго пребывал в унынии, его натура требовала действий, и он вызвал к себе Берга, в котором безошибочно угадал схожую человеческую натуру. За последнее время фон Берг сделал стремительную карьеру, получив не только генеральское звание, но и право прямого личного доклада кайзеру в любое время дня и ночи.

Людендорф и Гинденбург вначале косо посматривали на эту «штабную выскочку» и ждали удобного момента, чтобы запихнуть его обратно, но неудачи на фронте отнимали почти все их время, и поэтому фельдмаршалы были вынуждены терпеть присутствие фон Берга рядом с кайзером.

Приглашая к себе Берга, кайзер приказал привести гостя в кабинет с зажженным каминном, тем самым давая понять приглашенному, что характер беседы будет чисто светский.

Как истинный солдафон, Вильгельм был напрочь лишен чувства такта с подчиненными и поэтому, едва только собеседник получил из рук кайзера бокал с грогом, немедленно начал разговор.

– Я пригласил вас, милый Берг, для того, чтобы обсудить один важный вопрос, который напрямую касается нас всех. Несмотря на мнение Гинденбурга и Людендорфа, что только они разбираются в военной стратегии, я позволю себе не совсем согласиться с ними в этом вопросе.

Высказав эту тираду, кайзер поднял свой бокал, призывая своего собеседника пригубить наполненный бокал. Берг охотно последовал примеру хозяина, полностью обратившись в слух. Подобное начало аудиенции его очень заинтриговало. Между тем, отхлебнув грога, Вильгельм продолжил развитие своей мысли:

– Изучая сводки с полей сражения, я прекрасно понимаю, что в нынешней ситуации Германия уже не может выиграть войну, несмотря на все бодрые заверения моих фельдмаршалов. Маршал Фош отшвырнул их от Парижа на исходные позиции, что мы занимали к началу года, а Корнилов за два месяца отбил все то, что мы завоевали за целый год. Как это ни прискорбно звучит, но на сегодня я полководец разбитой армии, Берг. Не надо слов утешения и сладкого вранья, генерал, я прекрасно отдаю себе отчет в происходящем. Сейчас перед нашим рейхом стоит только одна задача – заключить почетный мир, который позволит нам выйти из войны с наименьшими потерями и высоко поднятой головой.

Наступила тишина, но имевший хороший опыт в подобных делах Берг не торопился открывать рот, предоставив кайзеру возможность и дальше читать свой монолог.

– Я долго размышлял и пришел к выводу, что справиться с этой трудной задачей нам поможет заключение сепаратного мира с одним из членов Антанты. Подобный ловкий ход с нашей стороны обязательно поссорит наших врагов между собой, и вчерашние союзники непременно станут врагами.

Кайзер замолчал и торжественно поднял над головой свой недопитый бокал:

– Как вам моя идея, Берг? Не правда ли гениальна?! Ставлю золотой империал против ломаного гроша, что Людендорф и старый Гинденбург до этого наверняка не додумались.

– Право, ваше величество, гениальная мысль. Честно говоря, вы сразили ею меня наповал, – с искренним видом пропел дифирамб генерал кайзеру.

– Цените, Берг, цените мое расположение к вам, ибо вы первый человек, с которым я решил обсудить мою блистательную идею.

Раззадоренный речью Вильгельм залпом осушил свой бокал и щедрой рукой вновь наполнил его до половины. Правда, только себе, но генерал не был в обиде.

– Найдя выход из столь трудного для рейха положения, я продолжил свои изыскания, решая, с кем и против кого мы должны объединиться. Это была очень трудная задача, генерал, но я с ней справился не менее блестяще, чем с предыдущей.

Вильгельм сделал многозначительную паузу.

– Нашими новыми союзниками должны стать Англия и Франция. Да-да, не удивляйтесь, генерал, бриты и галлы, поскольку они более близки нам по культуре, духу и крови нации, чем славяне. Союз с ними для меня просто немыслим, хотя некоторые наши умники из рейхстага прожужжали мне все уши о выгодности налаживания с ними добрососедских связей и торговых отношений, повторяя замшелые догмы покойного Бисмарка. По моему глубокому убеждению, все они либо помешанные, либо, что еще хуже, возможно, подкупленные русским золотом. Я уже дал распоряжение в полицией-президиум, разобраться с их банковскими счетами, но это к делу не относится. Итак, Берг, мы должны заставить западный мир заключить с нами мирный договор на приемлемых условиях, с тем, чтобы вместе устранить русскую угрозу цивилизованному миру, но как это сделать?

Вильгельм вновь сделал паузу и залпом осушил свой бокал, чтобы промочить горло, порядком пересохшее от длительной речи.

– Ваши дирижабли, Берг, подсказали мне выход. После нескольких удачных бомбежек столицы разгневанные англичане изгнали с поста премьера ненавистного мне Черчилля и вернули Ллойд-Джорджа. Это прекрасный пример, как можно управлять вражеской страной, находясь на расстоянии. Именно с помощью продолжения бомбежек мы сможем заставить англичан пойти на переговоры с нами, а вслед за ней и Францию. У нас еще есть время до наступления зимы. Наши оборонительные линии крепки, и союзники не смогут полностью прорвать их. Пока не подошли американские резервы, мы в относительной безопасности.

Император аккуратно налил себе третий бокал, при этом полностью игнорируя бокал гостя.

– Я хочу услышать ваше мнение относительно возобновления бомбежек Лондона, этого осинового гнезда. К несчастью, Черчилль основательно укрепил его воздушную оборону, и недавняя гибель экипажа Крюгера достойное этому подтверждение. Я очень дорожу вашими орлами, генерал, и хочу сохранить их боевой отряд как можно дольше в относительной целостности и сохранности, но как это сделать? Посоветуйте мне, как сохранить овец и накормить волков?

Пока кайзер просвещал своего собеседника о гениальности своей идеи, серые клеточки головного мозга генерала активно прокачивали услышанную информацию. Сам Берг уже более месяца назад пришел к аналогичному выводу и много и упорно размышлял по поводу спасения Германии, а заодно и себя. Поэтому, когда Вильгельм замолчал, у генерала уже имелся готовый ответ.

– Право, не знаю, как вам и сказать, ваше императорское величество, – начал говорить Берг, умело изображая на лице гамму сомнений и смятения своих чувств.

– Бросьте эти церемонии, Берг. Вы солдат, и поэтому извольте, говорите прямо и коротко, как это принято в рядах доблестного рейхсвера. Вы знаете выход из сложившегося положения?

– Да, ваше величество, но...

– Никаких «но», Берг. Я не потерплю, чтобы командир моих любимых орлов проявлял нерешительность и колебания, подобно юной гимназистке, когда решается вопрос спасения его родины. Говорите, черт вас побери, Берг.

– Выход есть, и довольно простой, но вот цена...

– Германия никогда не постоит за ценой ради своего спасения, – пафосно воскликнул кайзер, при этом искоса посмотрев на свое отражение в боковом зеркале на стене кабинета, и остался им доволен.

– Я про ту цену, ваше величество, что придется заплатить англичанам за свое согласие.

– Не тяните kota за хвост, генерал, – гневно бросил кайзер, горя от нетерпения узнать задумку своего собеседника, – я ни перед чем не остановлюсь ради спасения рейха!

– Черчилль действительно хорошо защитил Лондон многочисленными зенитными батареями, позволив нам совершать наши налеты исключительно ночью, – начал генерал, но кайзер в нетерпении прервал его:

– Это я знаю и без вас, Берг!

– Но, укрепляя столицу, он одновременно полностью оголил всю остальную территорию Англии, оставив ее совершенно беззащитной. Благодаря этому мы можем беспрепятственно бомбить другие города, порождая ужас и страх в сердцах и душах наших врагов. Англичане не смогут за короткий период закрыть своими чертовыми зенитками весь остров, и отныне наша задача состоит лишь в том, чтобы убить как можно больше мирного населения. В страхе за свои жизни британские обыватели придут в волнение, начнутся массовые беспорядки, которые, в конце концов, и принудят правительство Ллойд-Джорджа заключить мирный договор хоть с самим дьяволом, ради сохранения спокойствия в стране.

Наступила звенящая тишина, и было ясно слышно, как от восторга хрипло клокотало в груди у кайзера Вильгельма.

– Bravo, Берг, bravo! – воскликнул монарх, как только смог справиться с охватившим его волнением. – Право, ваше предложение мало в чем уступает моей задумке. Вы гений, не зря я в вас верил с самого начала. Конечно, бомбежка незащищенных городов Британии вызовет такой гнев и негодование, что любой английский премьер будет обязан предпринять нужные действия для устранения угрозы массовых народных волнений. Это очень опасно для любой страны в мирное время и смертельно во время войны.

Охваченный возбуждением Вильгельм стал энергично передвигаться по кабинету, и во время этих движений его лицо озарилось от пришедшей на ум мысли.

– Как все в строчку! – радостно воскликнул кайзер и, увидев недоуменный взгляд Берга, любезно пояснил: – Перед вашим приходом я читал доклад Николаи о трудностях англичан в связи с нарушением подвоза продовольствия на их остров. Сегодня же я прикажу Шееру немедленно начать неограниченную подводную войну, разрешив моим морским волкам топить любое торговое судно, независимо от его флага, плывущее в сторону острова. Этими действиями мы не только заставим англичан испытывать те же лишения, что терпит сам германский народ, но и усилим во сто крат их недовольство и подтолкнем к скорейшему бунту.

Лицо Вильгельма ярко пылало гневом и одновременно торжеством. Его знаменитые усы, неоднократно обыгрываемые карикатуристами союзников, воинственно топорщились.

– Как жаль, ваше величество, что эта гениальная идея не пришла вам в голову раньше, тогда бы британцы были куда сговорчивее и податливее, – вовремя подал голос генерал, за что получил еще один благодарный взгляд своего императора.

– Да, действительно, жаль упущенного времени. Своей неограниченной подводной войной я добился бы гораздо большего и в кратчайшие сроки, чем великий Наполеон с его континентальной блокадой.

Кайзер застыл возле горящего камина, вновь осознавая важность произнесенной им фразы, оставшись ею довольным. Решительно развернувшись лицом к стоявшему рядом Бергу и изображая большую занятость, он стал завершать свой разговор:

– Я очень рад нашей столь продуктивной беседе, генерал, однако не смею вас больше задерживать. К завтрашнему дню прошу предоставить мне список английских целей, намеченных вами для ближайшего уничтожения, вместе с обозначенными сроками вылетов ваших орлов.

Вильгельм подошел к Бергу, царственно выкинул вперед правую руку и, крепко пожав руку своего собеседника, изрек:

– Сделайте это, и погоны генерал-лейтенанта украсят ваши плечи.

Берг лихо шелкнул каблуками блестящих сапог и, тряхнув головой, ринулся исполнять приказ кайзера. Как показала старушка история, карьерный рост это неплохой жизненный стимул даже при не вполне блестящем положении на фронтах.

Не менее важная встреча на этом временном отрезке произошла в нейтральном Копенгагене, среди завсегдатаев отеля «Плаза». К посетителю, сидевшему за столиком на открытой террасе отеля, с интересом изучавшему британскую «Таймс», подошел господин в хорошо сшитом смокинге и учтиво спросил:

– Господин Энгстрем?

– Да. А вы, если я не ошибаюсь, господин Лансдорф?

– Совершенно верно.

Сидевший Энгстрем сделал приглашающий жест, и его гость охотно присел рядом с ним на плетеный стул. Дождавшись, когда официант примет заказ у гостя, Лансдорф любезно поинтересовался:

– Как добрались?

– Неплохо, если не считать небольшой морской качки, а вы?

– Благодарю, хорошо, немецкие вагоны всегда славились своим качеством, – с достоинством подчеркнул Лансдорф, и Энгстрем охотно с ним согласился:

– Как и многое другое.

Так и началась встреча между посланником генерала Шукина, специально прибывшего в Данию, с главой военной разведки Германии полковником Николаи. Начало разговора протекало в обмене общими, ничего не значащими фразами, которые перелетали над столом от одной стороны на другую, подобно легкому волану в бадминтоне.

Наконец Николаи не выдержал и, отставив в сторону свою пустую кофейную чашку, спросил:

– Так чем вызвано ваше желание, господин Энгстрем, встретиться со мной лично?

Русский охотно поддержал переход Николаи к главной теме разговора:

– Моему шефу очень хочется выяснить один очень интересный вопрос. Что стоит за передачей нам сведений стратегического значения?

– О каких сведениях вы говорите? – уточнил полковник, хотя сразу понял, о чем идет речь.

– О секретном отчете о состоянии австрийских войск, противостоящих русскому Юго-Западному фронту, и дате начала операции «Кримхильда».

Николаи, не отрывая взгляда, приготовился к дальнейшему продолжению разговора, но его не последовало. Русский терпеливо ждал ответа Николаи, и на его лице не было тени самодовольства, которое ожидал увидеть разведчик. Напротив, он подозвал официанта и заказал две чашки кофе, демонстрируя настрой на долгий разговор между собеседниками.

– И к какому выводу пришли ваши шефы, оценивая два этих сообщения. Как ловкий тактический ход для подготовки продвижения по этому каналу более важной стратегической дезы?

– В первую очередь они увидели протянутую руку для ведения мирных переговоров между нашими странами, – произнес Энгстрем, невозмутимо попивая крепкий кофейный напиток.

– Даже так? – саркастически спросил Николаи, подбивая собеседника на выпад, но тот никак не отреагировал на подначку.

– Согласитесь, что дела рейха обстоят не столь блестяще, как они были месяца полтора назад. Кайзера теснят на востоке, его теснят на западе, и у Германии уже нет никаких реальных возможностей одержать победу.

– Зато у нее есть силы яростно защищать свой кров и свои очаги, – парировал Николаи.

– Вот как раз об этом и пойдет речь. Мое руководство считает, что настала пора наводить мирные мосты между нашими странами. Они прекрасно мирно уживались до войны, удачно дополняя друг друга в торговле. У вас были технологии, у нас сырье, и каждая из сторон имела свою выгоду от этого общения. У России никогда не было территориальных претензий к Германии, как нет их и сейчас. Все то, что нам было нужно в этой войне, мы уже получили. Босфор, турецкая Армения и Галиция, на большее наша страна не претендует.

– Какое благородство, – ехидно молвил Николаи, но русский его моментально оборвал:

– Бросьте, – холодно молвил он, – мои шефы прислали меня сюда для проведения серьезных переговоров с вами, хотя могли ограничиться банальным шантажом. Если вы не настроены на серьезный разговор, так прямо и скажите, и я моментально избавлю вас от своего присутствия.

Николаи насупился, но вскоре спросил нормальным деловым голосом:

– Что вы хотите предложить?

– Скорейшее прекращение боевых действий, полное устранение монархии и провозглашение республики, парламентской или президентской, на ваше усмотрение. Мирное существование наших стран и заключение полномасштабного торгового союза. Повторяю, у нас нет к

вам территориальных претензий, нам нужна мирная, нейтральная Германия, не вступающая ни в какие военные блоки и союзы. Конечно, к вам будут большие претензии со стороны Франции, но мы постараемся ограничить их только колониями и Эльзасом с Лотарингией. Возможно, в этих областях можно будет провести плебисцит об их принадлежности к тому или иному государству. Восточная граница Германии не должна претерпеть существенных изменений.

– Очень щедрый подарок в обмен на голову Вильгельма.

– Его голова нам не нужна. Корнилову нужен скорый мир, а также надежный союзник в послевоенной Европе. Мы уже имеем печальный опыт заключения послевоенных союзов на примере Наполеона, когда Англия лихо чужими руками жар загребла, второго такого случая нам не нужно.

Николаи внимательно разглядывал морской берег, пытаясь лихорадочно переварить все то, что услышал. Кофе давно закончился, и Энгстрем заказал мороженого.

– Не слишком ли большое значение ваши шефы придают моей скромной персоне, пытаюсь с помощью меня решить судьбу огромной страны?

– Отнюдь нет. Они исходят из того факта, что вы один из самых информированных людей этой страны, а кто владеет знанием, владеет миром. Так говорили древние, если мне не изменяет память, и с тех пор в нашей жизни мало что поменялось. Сейчас в ваших руках находится один из самых мощных государственных рычагов давления, военная разведка, с помощью которой всегда можно чуточку изменить мир в ту или иную сторону.

Николаи молча слушал собеседника, стараясь сохранить на лице маску спокойствия, хотя сам прекрасно знал, что Энгстрем во многом прав в своих рассуждениях.

– И как вы представляете способ моего воздействия на происходящее в стране?

– Для взятия под свой контроль внутреннего положения страны вам будет необходимо выйти на видных депутатов рейхстага и членов правительства и основательно прощупать их настроение. Я уверен, что многие из них уже основательно пересмотрели свои взгляды на жизнь и в душе хотят быстрее заключения мира, но при этом сильно побаиваются военного дуэта Людендорфа и Гинденбурга, полностью захватившего власть в стране. Конечно, одни разговоры ничего не дадут, но вот новые поражения на фронтах, а они обязательно будут, непременно заставят военных поделиться своей властью с парламентариями для обуздания недовольства тыла длительной нуждой. Вот в этот момент и может произойти конституционный переворот, когда парламентарии провозгласят республику и объявят об отставке кайзера.

– Если бы на самом деле все действительно было столь же легко и просто, как вы говорите, – скептически бросил Николаи, однако в его голосе слышались не нотки негодования, а начавшего торговаться человека.

Русский моментально уловил это и примирительно произнес:

– Мы прекрасно понимаем всю трудность этого процесса и готовы помочь вам в этом деле информацией определенного значения, полученной нами ранее, на некоторых депутатов рейхстага. Она способна сделать их более восприимчивыми к словам человека, обладающего ею.

В разговоре наступила пауза, которую оба господина не торопились прервать.

– Все, что вы сказали, очень интересно, но оно требует полного осмысления в тиши кабинета, – произнес Николаи, вставая из-за стола. – Как вы понимаете, я не готов дать вам сейчас немедленный ответ на ваше предложение.

Русский так же вежливо поднялся и поманил пальцем кельнера:

– Я пробуду в отеле еще трое суток, всегда буду к вашим услугам. Если вам требуется более длительное время для принятия решений, то известите меня через шведский канал. Но только помните, что время не ждет. Всего доброго.

Оба господина вежливо раскланялись, и каждый пошел в свою сторону. Посланец генерала Шукина отправился писать отчет о своей встрече, а господин Николаи предался размыш-

лению о том, куда его завела неудачная попытка построить агентурный канал для продвижения стратегической дезинформации.

Будучи дальновидным человеком, он быстро сообразил, что возможное сотрудничество с русскими это реальный для него шанс вскочить на подножку уходящего поезда и прибыть в послевоенную Германию не простым беглецом, а значимой теневой фигурой большой политики.

Кроме этого, приглашение русских к сотрудничеству давало полковнику прекрасную лазейку на будущее, и в случае выявления его контактов с врагом Николаи мог спокойно преподнести это как свои действия, направленные на выявление скрытых врагов рейха, заговорщиков и соглашателей в высоких эшелонах германской власти.

Исходя из этих соображений, на следующей встрече с Энгстремом, состоявшейся через два дня, Николаи дал свое согласие на сотрудничество с русскими в обмен на гарантию личной безопасности, а также оказание всесторонней помощи по устранению германской монархии и заключение скорейшего перемирия со странами Антанты. Кроме этого, русская сторона обещала тайное содействие новому германскому правительству при подписании мирного договора с союзниками, в котором урезание немецкой территории было сведено к разумным пределам.

После заключения соглашения Энгстрем в качестве аванса предстоявшего сотрудничества попросил полковника предоставить русской стороне новый военно-морской код. Николаи поморщился, но просьбу выслушал и обещал переслать его через шведский канал в самое ближайшее время.

Оперативные документы

Из секретного доклада генерал-майора Берга лично кайзеру Вильгельму от 5 сентября 1918 года

Из всех ранее представленных мною изобретений профессора Тотенкопфа успешно прошли заводские испытания и изготовлены большими сериями три новых образца вооружения.

Большая бомба весом в 250 килограммов, пригодная под любую начинку, как взрывчатого характера, так и газового. Она предназначена для прицельного массового уничтожения, как опорных пунктов противника, так и городских домов и прочих зданий.

Малые и средние авиационные бомбы с начинкой из шрапнели или мелких железных шариков, предназначенные для массового уничтожения и поражения мирных жителей городов.

Зажигательные бомбы с совершенно новой начинкой, недавно изготовленной в наших секретных лабораториях, которая позволяет полностью заменить ранее применяемый нами тип зажигательных бомб.

Относительно данного вида вооружения хочется сказать поподробнее. Профессор Тотенкопф назвал это открытие «немецким огнем» по аналогии с «греческим огнем» в древности, поскольку новая начинка бомб представляет собой горящую жидкость, которую, как показали полевые испытания, невозможно погасить даже водой.

Созданный на жировой основе «немецкий огонь» горит безостановочно до своего полного выгорания на любой поверхности, будь то камень, земля и даже вода. На его создание пошла основная часть трофейного жира, конфискованного в этом году нашими морскими рейдерами у нейтральных китобоев в водах Атлантики.

На ваш вопрос о возможности построения новых дирижаблей я должен дать отрицательный ответ, как бы ни был он горек для вас. Каркасы трех новых цеппелинов уже готовы, но весь вопрос упирается в производство гелия. Все то, что с таким большим трудом удается произвести нашим химикам, в основном идет на обслуживание уже действующих машин, которые в

результате попадания в них пуль и осколков теряют определенный объем газа во время боевых вылетов.

Все оставшиеся в строю дирижабли полностью готовы для немедленного начала операции. Как вероятные цели первого удара, на территории Англии мною выбраны следующие города: Норидж, Ипсвич, Кембридж и Бедфорд. За ними могут подвергнуться бомбежке Ковентри, Бирмингем, Лестер и Шеффилд. По моему глубокому убеждению, это именно те цели, уничтожение которых вызовет шок и негодование среди английского общества по поводу бездействия властей, а также нанесет определенный ущерб экономике страны.

Вашему величеству необходимо выбрать первую жертву нашей священной войны, ради спасения рейха и германского народа.

Генерал-майор Берг

Надпись рукой Вильгельма: *Уступаю эту честь вам, как истинному творцу данной идеи. От себя только одна просьба: бомбежка базы в Скапа-Флоу. Она крайне необходима нам из-за серьезного ослабления германского флота в ходе последних событий.*

Из доклада командующего Балтийским флотом вице-адмирала Щастного в Ставку Верховного Главнокомандующего генерала Корнилова от 2 сентября 1918 года

Ваше превосходительство, на ваш запрос о состоянии кораблей Балтийского флота могу сообщить следующее.

После сражения при Гельсингфорсе и Ревеле состояние кораблей флота плачевное. Из числа четырех линкоров «Полтава» выбыла из строя до начала 1919 года, «Севастополь» и «Гангут» проходят ремонт на верфях адмиралтейства и едва ли смогут принять участие в походе ранее конца октября – начала ноября этого года. Единственным боеспособным линкором флота на сегодняшний день является «Петропавловск». Из крейсеров Ревельского отряда выйти в море может только «Адмирал Макаров», крейсер «Рюрик» проходит ремонт, а крейсер «Баян» ремонту не подлежит и в настоящий момент может быть использован только как плавучая батарея Ревельского порта.

Броненосцы «Андрей Первозванный» и «Цесаревич» продолжают свою боевую вахту в Рижском заливе, однако частые поломки их машин не позволяют надеяться на возможность участия этих боевых кораблей в дальних рейдах.

Единственным существенным пополнением Балтийского флота на сегодняшний день является линейный крейсер «Бородино», который в скором времени должен встать в строй. В настоящий момент «Бородино» проходит ускоренные ходовые испытания на море и сможет заступить на боевое дежурство в начале октября. Второй линейный крейсер «Наварин», согласно утверждениям адмиралтейства, благодаря его скорейшей доводке, будет спущен на воду в ноябре.

Вице-адмирал Щастный

Из доклада командующего Черноморского флота адмирала Колчака в Ставку Верховного Главнокомандующего генерала Корнилова от 3 сентября 1918 года

Согласно вашему приказу перевод основных сил Черноморского флота в порт Александретта успешно завершён. В настоящий момент Средиземноморская эскадра состоит из трех линкоров: «Александр III», «Николай I» и «Екатерина Великая», трех броненосцев: «Пантелеймон», «Евстафий» и «Ростислав», крейсеров «Очаков» и «Кагул», отряда миноносцев и двух гидротранспортов.

К середине октября намечается присоединение к нам нового линейного крейсера «Измаил», спущенного на воду на Николаевских верфях в июле этого года и в настоящий момент завершившего свои ходовые испытания в Черном море. Второй линейный крейсер «Кинбурн», согласно рапорту начальника Николаевского судостроительного завода, будет спущен на воду в конце ноября – начале декабря этого года.

Кроме крейсера «Измаил», в порт Александретта ожидается прибытие еще двух гидро-транспортов с новыми самолетами на борту, вместе со специально обученным экипажем морских летчиков, а также транспорта с образцами нового вооружения.

Никакого давления как со стороны турок, так и со стороны англичан Средиземноморская эскадра не испытывает. Англичане, оккупировав порты Леванта и Сирии, усиленно готовятся к проведению высадки морского десанта на побережье Киликии. Согласно последним данным воздушной разведки, в оккупированные британцами порты направляются многочисленные транспортные средства, пригодные для перевозки людей. В основном это греческие и египетские корабли, следующие из Пирея, Крита и Александрии. Четыре дня назад из Александрии в Тартус прибыли две бригады английской пехоты, в дополнение к трем бригадам, прибывшим из Египта в начале августа.

Охрана Дарданелл ведется броненосцами «Три Святителя» и «Иоанн Златоуст» и линкором «Императрица Мария», частично восстановившего свою боевую готовность. Движение через пролив осуществляется только в дневное время через немногочисленные фарватеры в наших минных полях.

В случае необходимости все они будут полностью закрыты минами, кораблями миноносного отряда капитана первого ранга Бахметьева. Сухопутная охрана пролива полностью находится под контролем армейской группировки генерал-майора Свешникова, чей штаб располагается в крепости Кале-Султаниэ на азиатском берегу.

Адмирал Колчак

Из доклада начальника оперативного отдела Имперского Генерального штаба полковника Рейхарда Шеера фельдмаршалу Людендорфу от 6 сентября 1918 года

Экселенц! Согласно сообщению, поступившему от нашего особо доверенного агента в Ставке генерала Корнилова, русские готовят новое наступление против наших войск в Восточной Пруссии. Главным направлением их наступления является Кенигсберг, и осуществляться оно будет главными силами 2-й армии генерала Миллера, при поддержке 3-й армии генерала Маркова.

Это сообщение частично подтверждается данными нашей воздушной разведки. Ударные конные корпуса русских, с помощью которых они ранее прорывали нашу оборону, также дислоцируются вдоль границы с Восточной Пруссией. В направлении Варшавы двигаются исключительно пехотные эшелоны, передвижение конных частей противника в этом направлении не зафиксировано.

Принятие окончательного решения о сроках начала наступления нашей прусской группировки остается за вами, однако смею напомнить, что полная готовность наших войск к наступлению против сил 2-й русской армии определяется 18–20-м числами сентября.

Полковник Шеер

Секретная телеграмма спецпредставителя генерала Корнилова комиссара Яковлева из Владивостока от 2 сентября 1918 года

Ваше превосходительство. Имею честь доложить, что семья бывшего русского императора Николая Романова вместе со всей свитой отбыла из Владивостока сегодня утром на

пароходе «Святогор», держащем курс на Сиам. Здоровье путешественников хорошее, никаких нежелательных эксцессов со стороны отъезжающих не возникло. По настоянию Романовых за ними сохранено русское подданство и выданы русские заграничные паспорта.

Комиссар по спецпоручениям Яковлев

Из доклада полковнику Хаусу от специального представителя США в России Джозефа Фергюссона о результатах его визита в Москву и Петроград, от 15 сентября 1918 года

...По моему глубокому убеждению, внутреннее положение России по-прежнему остается нестабильным и очень сложным. Все внутреннее спокойствие этой страны полностью зависит от положения на фронтах. Пока генерал Корнилов одерживает одну победу за другой, русские готовы ему рукоплескать и восхищаться, но едва только фортуна отвернется от диктатора, то в России быстро настанет то положение, которое было на момент прихода к власти Корнилова.

Касаясь оценки личности генерала Корнилова, то я полностью согласен с его оценкой мистера Кавендиша: «Корнилов способен выиграть бой, но проиграть сражение». Все знающие его люди характеризуют Корнилова как человека исключительной храбрости и честности, который в случае необходимости может лично повести солдат в бой, однако как политический деятель он крайне слабая фигура, если не сказать большего.

На данный момент Корнилов полностью соответствует понятию «короля играет свита», во главе которой стоят два генерала, благодаря усилиям которых Корнилов хорошо держится на посту Верховного правителя России. Генерал Духонин помогает ему успешно руководить войсками на фронтах, генерал Алексеев поддерживает внутренний порядок в стране. Пока этот тандем удачно дополняет друг друга, но что будет со страной, если они перессорятся или погибнут, трудно предсказать...

Глава II

Осенний листопад

Новая база сосредоточения германских дирижаблей по настоянию Берга была создана возле бельгийского города Брюгге. Это был ближайший к побережью крупный транспортный центр, где сходились вместе сухопутные, речные, железнодорожные, а теперь и воздушные пути. Сюда в спешном порядке перелетели три оставшихся в строю боевых дирижабля Берга, и туда же, под покровом строжайшей тайны, доставлялось их новое вооружение.

Стремясь в очередной раз угодить кайзеру, Берг с особой тщательностью готовился к новому налету на Британию, дав этой операции игривое название «Осенний листопад». Вся информация о подготовке операции шла непосредственно кайзеру Вильгельму, минуя все остальные инстанции германской военной машины, включая Гинденбурга и Людендорфа. Им император только туманно намекнул о скором возобновлении налетов на Англию, не раскрывая при этом их главных целей.

Желая выгоднее подать новый подвиг своих орлов, Берг за сутки до начала операции пригласил к себе одного из известных военных корреспондентов, пообещав ему громкую сенсацию. Генерал в общих чертах описал газетчику некоторые тонкости предстоящей операции и потребовал написания громкой статьи для поднятия духа немецкого народа. Не желая предстать перед читателями истребителями мирного населения, Берг объяснил корреспонденту, что главной целью бомбардировки в Норидже будут большие военные склады с продуктами и амуницией, уничтожение которых серьезно повлияет на боевые возможности союзников.

Упоминание об уничтожении продовольственных складов врага было очень тонким ходом. Для немцев, вот уже несколько лет сидевших на голодном пайке, одно только упоминание о наличии таких же трудностях у англичан должно было вызвать чувство радости и удовлетворения.

С целью сохранения режима полной секретности, сразу же после беседы корреспондент был посажен под домашний арест, без права какого-либо общения. Что ничуть не повлияло на процесс творчества.

Используя сокращение продолжительности светового дня, Берг назначил начало операции на 19:00 8 сентября. И вновь три тупоносых цеппелина, неторопливо оторвавшись от земли, взяли курс к берегам Британии, основательно истерзанной их прежними налетами.

Главным в этой операции был назначен молодой Цвишен, к тайному огорчению Брандта, считавшего себя более достойным этой должности. Данное мнение полностью разделял и сам Берг, но хваткий и пронырливый Цвишен ходил в любимцах самого кайзера, по настоянию которого он был назначен заместителем Берга в отряде имперских аэронавтов.

Третьим командиром корабля в компании воздушных асов был молодой обер-лейтенант Гримм, отличившийся в последнем налете на Лондон. Берг вновь доверил ему командование «Аннхен», решительным образом отодвинув в сторону других претендентов.

В противостоянии с летчиками отрядов Берга детям Туманного Альбиона фатально не везло. Каждый из налетов германских цеппелинов приносил им огромные разрушения, тогда как потери со стороны нападавших были минимальны. Даже об уничтожении дирижабля Крюгера британцы узнали через своих агентов, и потому они не смогли продемонстрировать этот факт мировой общественности, как в свое время это сделали русские.

На этот раз приближение вражеских дирижаблей к Англии было замечено одной из патрульных подводных лодок. Вахтенный офицер субмарины, наблюдавший за морем из рубки, вовремя увидел топовые огни немецких аппаратов и, идентифицировав их, поспешил дать радиограмму в Лондон о приближающейся к нему опасности.

Наученные горьким опытом предыдущих бомбардировок англичане стали торопливо готовиться к перехвату незваных гостей, поднимая с аэродромов одну за другой эскадрильи истребителей.

Судьба, однако, вновь жестоко посмеялась над британцами. В эту ночь орлы кайзера так и не прилетели к Лондону, обратив в прах все приготовления англичан по защите своей столицы.

Твердо держа курс на север, дирижабли длительное время летели над ночным морем и повернули к суше только в районе Ярлмута. Осторожно обойдя стороной морской порт, ближе к полуночи цеппелины вышли к Нориджу, своей главной цели.

Мирно спящий городок ничего не подозревал о той страшной судьбе, которую ему уготовил противник. Хотя уже четвертый год шла война, затемнения в Норидже не было и в помине, поскольку особо важных объектов, кроме как обувных фабрик, здесь не было никогда.

Острые шпили многочисленных старинных церквей города, освещенные редкими уличными фонарями и оконными огнями, оказались прекрасным ориентиром для штурманов германских цеппелинов. Выводя свои цеппелины на атаку, они полностью прильнули к окулярам своих специальных прицелов, позволяющих с большой точностью определять дистанцию до цели.

Створки бомбового отсека «Лотхен» мягко распахнулись, выставляя напоказ новое творение доктора Тотенкопфа: острые жала бомб, наполненных «немецким огнем». Они были установлены в специальные зажимы и приводились в действие нажатием специальных рычагов штурманом, находящимся в центральном отсеке гондолы дирижабля.

Мягко работая бортовыми моторами, «Лотхен» застыла над высоким шпилем городской ратуши, и из ее чрева ударил вниз яркий луч, моментально заливший слепящим белым светом древнюю гордость Нориджа. Это был носовой прожектор цеппелина, ставший еще одним творением профессора Тотенкопфа в оснащении своих любимых детищ. Его главным предназначением стало выявление боевых целей дирижабля.

Вслед за прожектором корабля Цвишена ночной сумрак города разрежали еще два холодных белых луча, неторопливо выискивавших среди городских строений свою жертву. Согласно полученной от Берга директиве, дирижабль Цвишена должен был занять над городом центральную позицию, тогда как кораблям Брандта и Гримма отводились боковые позиции.

Штурман «Лотхен» Венцель Бауэр деловито произвел последнюю коррекцию прицеливания, повернул нужный рычаг, и вот уже первые три носителя огненной смерти устремились к выбранной цели. От упавших бомб древняя ратуша Нориджа вспыхнула в одно мгновение. Две огромные рыжие кляксы стремительно расплзались по ее черепичной кровле, стекаясь вниз большими огненными ручейками. Третья бомба угодила внутрь шпиля, щедро разбросав свое дьявольское содержимое внутри здания.

Глянув сквозь оптику прицела на результат своей работы, Венцель удовлетворенно хмыкнул, и его пальцы дернули следующий рычаг на приборной доске. Мгновение – и новые гостинцы с тихим свистом полетели вниз навстречу разгорающемуся пожару.

«Так, этим довольно», – педантично отметил про себя Бауэр и попросил пилотов взять на тридцать градусов левее.

Дирижабль легко качнулся в сторону, и в перекрестье прицела бомбометания всплыло массивное жилое здание, на чьей черепичной крыше азартно плясали отблески пламени пожара на крыше ратуши.

По достоинству оценив размеры своей новой цели, Бауэр сразу сбросил на нее шесть зажигательных бомб. От огненного ливня, разлившегося в обреченном здании, горело все, что только могло гореть. Громко трещала черепица, весело постреливало дерево, с тонким звоном вылетали стекла в оконных рамах, давая набиравшему силу огню приток свежего воздуха. Горели даже кирпич и камень, полностью разрушаясь под воздействием высокой температуры.

Извечная помощница людей в борьбе с огненной стихией вода на этот раз была полностью бессильна против «германского огня». Торопливо выливаемая людьми на огонь, она совершенно не гасила пламя, а только увеличивала его объем, разнося его все дальше и дальше своим движением.

Вслед за носовым прожектором на «Лотхен» вспыхнул и кормовой, высвечивая в черноте ночи лихорадочно мечущихся по земле людей. Они служили прекрасной мишенью для немецких пулеметчиков, которые не преминули воспользоваться случаем опустошить свои арсеналы. Чтобы стрелки могли лучше видеть свои цели, по приказу Цвишена дирижабль пошел на снижение, неотвратимо надвигаясь на горящий город.

Треск пулеметных очередей, какофония людских криков и стенаний, гудение огня и грохот рушившихся внутренних перекрытий зданий заполнили пространство над городом, спящим мирным сном какое-то время назад.

Брандт и Гримм ничуть не отставали в бомбометании от своего командира. Один за другим вспыхивали рыжим пламенем дома мирных жителей, оказавшиеся на пути движения имперских дирижаблей. Сторонний наблюдатель с легкостью определил бы траекторию движения воздушных монстров по тем бушующим огненным рекам, которые разлились в ночной мгле, отмечая маршрут безжалостных агрессоров.

Получив в свое распоряжение абсолютно незащищенный город, германские авиаторы упивались своей полной безнаказанностью. Горячка безумия охватила буквально всех. Стрелков, расстреливающих незащищенных людей из тяжелых пулеметов, штурманов, расчетливо уничтожающих целые кварталы мирного города. Пилотов, холодно направляющих свои огромные машины смерти на новые цели, а также командиров, руководящих всей этой кровавой вакханалией. Все они переступили ту хрупкую грань сознания, которая отделяет человека разумного от безумного маньяка, живущего только одним желанием удовлетворения жажды убийства.

Каждый экипаж стремился не просто сбросить свой груз, а поджечь как можно больше строений совершенно мирного города. Основательно и неторопливо разгорались две обувные фабрики, обрекая большую часть населения города на голод и страдания, поскольку других предприятий в Норидже не было. Ярким факелом в ночи пылал нориджский собор Святой Троицы, видевший еще самого Вильгельма Завоевателя. Его огромный шпиль был подобен огромному огненному маяку, указывающему путь заблудившемуся путнику во тьме ночи.

Пулеметчики с «Аннхен» азартно расстреливали обитателей нориджского колледжа, в страхе высыпающих из стен своего общежития на городские улицы. Хлесткие струи свинца безжалостно выбивали толпу подростков, спросонья в панике ринувшихся на освещенное лучами прожекторов место. При этом немцев ничуть не смущал ни возраст, ни пол их жертв. «Хороший враг – только мертвый враг, даже если у него нет сейчас оружия. Оно обязательно появится у него потом». Таков был лозунг кайзеровских стрелков, и ни один из них не удержал свою руку при виде незащищенных детей.

Прошло всего сорок минут, а Норидж уже был буквально стерт с лица земли. Пылал весь центр города, грамотно зажженный имперскими авиаторами, и от него огненный вал неумолимо накатывался на городские окраины. Помочь несчастным жителям Нориджа в этом аду было некому. Расстреливая город из пулеметов, немцы в первую очередь старались уничтожить прибывших на тушение огня пожарные команды, а также кареты «скорой помощи», отважно бросившиеся исполнять свой служебный долг.

Полностью очистив свои бомбовые отсеки, дирижабли поторопились убраться восвояси, не забыв перед этим для отчета перед высоким начальством запечатлеть на фото результаты своей чудовищной работы.

Всего за эту ночь в Норидже погибло около полутора тысяч человек, более пяти тысяч получили ранения или ожоги и свыше 52 тысяч лишились жилья. Эти цифры, даже сознательно

уменьшенные правительством наполовину, потрясли Англию. Многие жители близлежащих деревень и городов срочно прибыли в Норидж и убедились в том, во что отказывались верить.

Закопченные останки труб домов, груды черного пепла на пепелищах и вереницы окровавленных мертвых тел лежали на восточной окраине города, вернее того, что от него осталось, все это предстало перед глазами британцев, приехавших в Норидж. Опасаясь распространения эпидемии и не имея возможности достойно похоронить погибших, местные власти приказали сложить все тела в одну общую могилу и засыпать их гашеной известью.

Стремясь сплотить народ перед лицом горя, премьер Ллойд-Джордж объявил 10 сентября Днем национального траура, но именно вечером того же дня орлы Берга отправились в свой новый полет на мирные города Альбиона. Ободренный успехом Берг приказал немедленно повторить налет, чтобы еще больше вселить в сердца британцев страх и неуверенность за свою безопасность.

Едва дав экипажам отдохнуть, а дирижабли заправить горючим и загрузить новыми бомбами, Берг безжалостной рукой вновь бросил любимцев Второго рейха в горнило войны. Генерал спешил нанести новый удар по Англии, стремясь полностью закрепить достигнутый результат. Кроме того, Берг хорошо понимал, что его база в Брюгге рано или поздно будет обнаружена, и сюда с ответным визитом могут пожаловать британские бомбардировщики.

Своей новой целью командир особого отряда выбрал Кембридж, не столько из-за его военной ценности, сколько из-за возможности уничтожить один из старейших университетов Британии – кузницу интеллектуальной элиты Соединенного королевства. Добившись впечатляющего успеха после применения нового оружия в деле, Берг решил нанести англичанам звонкую оплеуху, унизив их национальное достоинство и гордость.

Кроме оружия, на борт дирижаблей генерал приказал загрузить большое количество пропагандистских листовок, специально отпечатанных в рейхе для этих вылетов. Берг придавал большое значение разложению мирного населения противника, стремился породить смятение в умах рядовых британцев, умело играя на их текущих нуждах и низменных чувствах.

Отправляя дирижабли в полет, Берг изменил ставшее уже привычным для врага время ночных бомбардировок. На этот раз цеппелины ушли в небо около 11 часов вечера, чтобы обмануть британские силы ПВО на побережье.

Вновь сделав большой круг над морем, немецкие аэронавты вторглись на английскую территорию между Ярлмутом и Ипсвичем, умело обойдя основные центры наблюдения за морским побережьем.

Накрапывал привычный осенний дождик, который заставил дирижабли снизиться, чтобы лучше визуально сориентироваться на местности. Редкие огни Бери-Сент-Эдмундса подсказали немцам, что они на правильном пути, и дирижабли стали медленно подбираться к знаменитому городку.

С целью испытания нового изобретения герра Тотенкопфа в боевых условиях «Лизхен» несла на своем борту несколько 250-килограммовых бомб, способных стереть в порошок целое многоэтажное здание. Обер-лейтенант Гримм получил специальное задание сбросить несколько супербомб с разной высоты на различные здания, сфотографировать результаты их боевого применения, а затем представить подробный отчет об их эффективности.

Ровно в 2:14 слепящие лучи германских дирижаблей известили жителей Кембриджа о том, что фантазии господина Уэллса стали явью. Столпы белого света хладнокровно переползали от строения к строению, выбирая свою первую жертву.

Вследствие особой важности своего бомбового содержимого ведущим кораблем на этот раз стал дирижабль Гримма, тогда как Брандту и фон Цвишену достались позиции ведомых, хотя общее командование снова было возложено на Герхарда фон Цвишена. Подобное построение дирижаблей, удачно испытанное во время бомбардировки Нориджа, Берг счел вполне удачным, подробно ознакомившись с рапортами всех командиров. По мнению генерала, силь-

ный огневой очаг в центре города при хорошем ветре должен обязательно переброситься на окраины и уничтожить практически весь город.

Без точных карт Кембриджа подготовка к вылету проводилась в большой спешке, поэтому штурман «Лизхен» Готлиб Рашке взял за основной ориентир шпили часовни Королевского колледжа, здание которого, кроме привязки к местности, почти идеально подходило для испытания нового оружия.

Убедившись, что Цвишен и Брандт уже заняли исходные позиции, Гримм приказал Рашке приступить к бомбометанию. Опасаясь ударной волны своих же бомб, немецкие авиаторы решили сделать первый заход с большой высоты, а затем спуститься на малую высоту, чтобы зафиксировать полученные результаты.

«Малыш», как ласково назвал Гримм свою боевую начинку, послушно выпорхнул из недр цеппелина и проворно заскользил вниз, не отклоняясь в сторону ни на йоту от заданной цели. В перископ Гримм отчетливо видел, как мигнуло пламя взрыва, захваченное в кольцо перекрестными лучами прожекторов, и старое здание часовни мгновенно погрузилось в тучу дыма и пыли. Взрывная волна мягко ударила по днищу дирижабля, но несколько не повредила его конструкций.

Все наблюдатели с напряжением ждали, когда темные клубы осядут на землю, чтобы открыть жалкие руины, оставшиеся от огромного здания. Простояв столетия, оно в один миг сложилось, как карточный домик под дуновением ветра.

– Есть! – радостно воскликнул Рашке, и его пальцы азартно заплясали на барабанах прицельной наводки в поисках новой цели.

Выполняя указания штурмана, дирижабль чуть сместился на правый борт, и вскоре новые мощные взрывы потрясли Кембридж. Следующие два «малыша» угодили прямо в университетский дом Сената и Клэр Колледж, еще раз подтвердив могучую творческую силу злого немецкого гения. Огромные здания мгновенно рушились, погребая под своими обломками десятки людей.

Последней целью «Лизхен» оказался колледж Святой Троицы. Вновь сдвинув дирижабль в сторону, штурман радостно наводил оптику на цель, чье очертание с трудом просматривалось среди клубов дыма и пыли, с большим трудом пробиваемых прожекторами дирижабля. Прошло несколько томительных мгновений, и Рашке полностью освободил чрево цеппелина от смертоносного груза. Взрывная волна вновь ударила корпус «Лизхен», извещая экипаж о взрыве последнего «малыша», после чего Гримм отдал приказ на снижение.

Вслед за ним вниз устремились и другие дирижабли, чьи штурманы проводили избирательную бомбежку городка зажигательными бомбами. Получив свободу, «немецкий огонь» жадно устремился в разные стороны, торопливо пожирая и прожигая насквозь все, что встретилось на его пути. Здание, на которое попала хоть одна бомба, было частично обречено на разрушение, а если на него падало несколько бомб, то шансов на его спасение от огня не было никаких.

Двигаясь по широкому кругу, германские экипажи методично выжигали все, что оказывалось внутри него, каждой сброшенной вниз бомбой увеличивая силу дьявольского огня. При этом фон Цвишен вновь перещеголял своих товарищей в изощренности уничтожения британцев. Если раньше огненные бомбы сбрасывались только на здания, то в этот раз Герхард фон Цвишен отдал приказ сбрасывать их прямо на толпы людей.

Без всякого угрызения совести Венцель Бауэр исполнил этот бесчеловечный приказ своего командира, и вскоре все стали наблюдать за живыми факелами, безумно мечущимися по земле.

– Ниже, ниже, – хладнокровно приказал фон Цвишен пилотам, собираясь выполнить еще один пункт своего плана полета.

– Гейнц, – приказал он своему помощнику, – откройте иллюминатор и помогите оператору установить камеру. Мы должны запечатлеть этот миг для истории.

Вскоре «Лотхен» зависла над крышей одного из горящих зданий, и началась ужасная съемка. Специально погруженный на борт по приказу доктора Фриче кинопроектор лихорадочно стрекотал своими моторами, спеша увековечить на пленку торжество немецкого оружия, пока несчастные статисты были еще живы.

Одновременно с этим с «Лотхен» деловито стучали спаренные пулеметы нижних носовых и кормовых пулеметных гнезд, которые своими короткими и точными очередями прекращали всякое движение на горящих улицах несчастного Кембриджа.

Быстро и неумолимо огонь пожирал старейший университетский городок Англии, в котором воспитывалась вся элита страны. Горели колледжи и научные лаборатории, горели библиотеки и архивы. Проснувшиеся от взрывов люди испуганно метались по тротуарам, где их настигали пули, огонь и маленькие металлические стрелы, которые немецкие пилоты специально взяли с собой и теперь щедро высыпали их на головы англичан.

В числе студентов Кембриджа, попавших под бомбежку, было немало лиц прекрасного пола, но германские пулеметчики не обращали на это никакого внимания, хотя отчетливо слышали многочисленные женские крики о помощи и пощаде.

Вся бойня городка продлилась около сорока пяти минут, после чего фон Цвишен, как старший офицер, отдал приказ об отходе. Исполнителям «Осеннего листопада» стоило потопиться, ибо о налете на Кембридж уже наверняка знали в Лондоне.

Выжимая все, что только можно, из своих моторов, Цвишен отходил прежним маршрутом, опасаясь поднять цеппелин выше из-за низкого грозового фронта. Гроза, пришедшая с юга, постепенно набирала свои обороты, посверкивая изломанными линиями молний.

В который раз налетчикам сильно повезло. Настигший их ливень превратил грунт взлетно-посадочных полос аэродромов в густое месиво, и, несмотря на яростные приказы командования, британские истребители не смогли взлететь на перехват врага.

Единственными, кому удалось поквитаться с врагами, были легчики эскадрильи капитана Фрога, базирующейся вблизи Ярлмута. Там грунт еще не успел размокнуть от воды, и поэтому пятнадцать британских истребителей вылетели в ночное небо, разбившись на пятерки.

Пятерка Сэдлтона наткнулась на «Аннхен» уже далеко в море и немедленно атаковала дирижабль. Наученные горьким опытом британцы заходили с хвоста и старались сначала подавить кормовые пулеметы, а затем уже бить по корпусу аппарата.

С первой задачей они справились после третьего захода, потеряв при этом один самолет, и еще один, дымя мотором, потянул в сторону берега. После этого британцы стали длинными очередями расстреливать темные бока дирижабля, намереваясь уничтожить его, как уничтожили «Гретхен» Крюгера.

Фельдфебель Шварц моментально оценил всю опасность обстановки вокруг своего корабля и немедленно бросился к замолчавшим кормовым пулеметам. Отбросив в сторону еще теплое тело стрелка, он ловко поймал в прицел приближающийся к «Аннхен» истребитель противника и, подпустив поближе, в упор выпустил в него длинную очередь из спарки. «Сопвич-Кэмел» словно налетел на невидимую стену, после чего стал стремительно падать, оставляя за собой черный хвост дыма.

Строй заходивших в атаку на корму истребителей мгновенно рассыпался, спасаясь от свинцового бича пулемета. Этим воспользовался также заменивший убитого, верхний кормовой стрелок, который серьезно повредил еще один британский самолет, поспешивший немедленно покинуть поле боя.

У британских пилотов еще было время для новой атаки или совершения воздушного тарана, как это сделал русский летчик, но они ограничились лишь обстрелом дирижабля с дальних дистанций и, истратив весь боезапас, через некоторое время отвернули.

На этот раз число погибших перевалило за полторы тысячи человек, тогда как общее количество раненых, обожженных и отравившихся едким дымом перевалило за восемь тысяч. Только благодаря дождливой погоде Кембридж не выгорел дотла в ту ночь.

Не успевшая отойти от ужаса Нориджа Британия столкнулась с трагедией Кембриджа, которая наглядно продемонстрировала ее полную незащищенность перед налетами дирижаблей противника. Премьер вновь разразился призывами к стойкости и обещанием наказать врага, но ему уже мало кто верил.

Ответным ходом союзного командования стал массированный налет самолетов союзников на базу под Брюгге, который по сути дела ничего не дал. С большим трудом прорвавшись сквозь плотный пулеметный огонь немцев, потеряв при этом 11 самолетов, союзники обнаружили только пустые причальные мачты и небольшой склад. Сбросив на них весь свой бомбовый запас, летчики честно исполнили свой долг перед родиной и командованием, но заслуженного возмездия не случилось. Берг, нутром чующий опасность, сразу же по возвращению цеппелинов отдал приказ об их передислокации в Гент, где все уже было подготовлено к их приему.

Обсуждая с генералиссимусом Фошем последние известия из Англии, Уинстон Черчилль откровенно излагал своему собеседнику свое видение происходящего.

– Боюсь, что Англия не сможет перенести новые налеты на ее мирные города, генералиссимус. Еще один, максимум два таких опустошительных налета, и в страхе за свои жизни народ выйдет на улицы, требуя от правительства заключения перемирия с императором Вильгельмом.

– Неужели ваше правительство пойдет на это, сэр Уинстон? – озабоченно спросил Фош. – Одна Франция, даже вместе с американцами, не сможет в будущем году одолеть немцев. Если Британия выйдет из войны, то конец этой кровавой мясорубке видится мне только в 1920 году. На русских у меня слабая надежда. Корнилов с каждым днем становится все менее и менее уступчив к нашим просьбам и проблемам. Один только его демарш с Польшей наводит на очень грустные размышления.

Экс-премьер сочувственно выслушал Фоша и, глядя поверх его головы, флегматично произнес:

– Значит, нужно наступать, генералиссимус, и чем скорее, тем лучше.

– Вы шутите?

– Отнюдь нет. Только наши громкие успехи на фронте смогут оправдать наши потери в тылу. И добиться мы их должны немедленно. Да, немедленно, ибо промедление для нас смерти подобно.

Фош быстро подошел к оперативной карте, висевшей на стене, и раздвинул прикрывающие ее шторы:

– И где вы предлагаете нанести удар по позициям врага? Линия Зигфрида очень хорошо укреплена. Вы сами в этом убедились, и мы должны прорвать ее сразу, иначе утонем в осенних дождях, которые по прогнозам синоптиков начнутся во второй половине сентября. Итак, я вас слушаю.

Черчилль неторопливо приблизился к карте и уверенно ткнул в нее концом зажженной сигары:

– Думаю, что основной удар следует нанести на Сент-Кантен, а также под Аррасом и Реймсом.

– Но под Сент-Кантенем очень сильные позиции противника, взять их почти невыполнимая задача.

– Правильно, генералиссимус, взять их очень трудно. Вот пусть их и штурмуют русские и марокканцы, создавая видимость главного удара, приковывая к себе все внимание врага. Тогда как мы, вместе с американцами, ударим по флангам и прорвем немецкий фронт. Я прекрасно

понимаю вас, что нам гораздо лучше переждать зиму и ударить по немцам летом, имея гарантированное численное превосходство, однако жизнь вносит свои коррективы в наши планы. Кайзер Вильгельм играет ва-банк. Ему не удалось силой оружия выбить из союза Францию, и он хочет сделать это с Англией при помощи бомбежек мирных городов. Ужасная, грязная, но вполне реальная затея, генералиссимус.

Француз помолчал, внимательно разглядывая карту, испещренную условными значками, обозначающими силы союзников.

– Для достижения успеха следует бросить под Аррас почти все имеющиеся у нас на этот момент танки. Это сто восемь машин. Двадцать один танк я могу перебросить американцам к их одиннадцати танкам. Не знаю, поможет ли им это, но это все, что мы можем дать.

– Прибавьте туда еще семь машин, они только вчера были отгружены нашим танковым заводом и еще не учтены в общей сводке, – добавил Черчилль, заглянув в свою записную книжку.

– Прекрасно, значит, у янки будет тридцать девять танков, это лучше, чем тридцать, но хуже, чем пятьдесят. Хотя у русских с марокканцами танков не будет вообще, – уточнил расклад сил Фош.

– Все правильно, генералиссимус, этим дикарям танки не нужны, они прекрасно обойдутся и без них, – прокомментировал последние слова француза Черчилль.

– Когда вы намерены начать? Помните, сейчас нам каждый день очень дорог, как никогда.

Фош пожевал губами, проводя лишь одному ему ведомые подсчеты, а затем изрек:

– С учетом всех необходимых приготовлений, не ранее 16 сентября.

Черчилль флегматично посмотрел на карту и, выпустив кольцо дыма, промолвил:

– Да поможет нам Бог!

Однако, как показала история, Господь был совсем не на стороне британцев. В ночь с 15 на 16 сентября Берг проводил своих питомцев в третий вылет на Англию, на сей раз выбрав в качестве цели такой большой город, как Шеффилд. Вместо временно выбывшего из строя дирижабля «Аннхен» генерал рискнул отправить в полет «Карла» под командованием Кранца, загрузив в его бомболюки исключительно зажигательные бомбы.

И в этот раз погода была на стороне немцев. Грозовой фронт сместился к югу Англии в сторону Дувра, намереваясь в самое ближайшее время пересечь пролив и обрушиться на Францию. С морского побережья в глубь острова дул устойчивый северо-восточный ветер, который позволил германским аэронавтам значительно увеличить свою крейсерскую скорость.

Покинув Гент, дирижабли без особых помех прошли над темной поверхностью моря. Забравшись значительно севернее своей прежней точки поворота, они повернули к острову чуть южнее Гулля и вскоре точно вышли к Шеффилду. Так далеко в глубь вражеской территории не забирался еще ни один германский летательный аппарат, и потому здешние жители чувствовали себя в относительной безопасности.

Светомаскировка согласно последним приказам армии в городе соблюдалась, но наличие внизу большого города выдавало движение поездов. Курсируя с юга на север, они четко обозначали свое присутствие яркими огнями вагонных окон и выхлопами огня из труб локомотивов.

Приблизившиеся к спящему городу дирижабли немедленно заняли ставшую уже привычной для них позицию: один в центре, двое по бокам. На этот раз главная позиция была отдана «Карлу», поскольку тот имел на борту огромное количество зажигательных бомб.

Ветер продолжал усиливаться, что было только на руку аэронавтам. Закончив последние расчеты, они приступили к уничтожению мирного города. Отработав за прежние полеты до мелочей тактику бомбометания, штурманы цеппелинов хладнокровно сбрасывали вниз зажи-

гательные бомбы, четко и методично выстраивая огромный огневой центр с наветренной стороны, для более быстрого распространения пламени.

Их совершенно не интересовало, что сейчас творится там внизу, они грамотно и методично делали свою зловещую работу, во имя величия Второго рейха и кайзера Вильгельма. Прошло двадцать шесть минут, и весь центр Шеффилда был превращен в один гигантский костер, жаркое пламя которого, подгоняемое тугим дыханием ветра, стремительно продвигалось в глубь города. Огненный смерч методично пожирал городские строения одно за другим, превратившись в ужасное подобие сказочного дракона, выжигающего своим дыханием целые кварталы.

Вскоре экипажи дирижаблей сами попали в зону едкого и удушливого дыма, затянувшего весь город, и почувствовали мощный жар пожаров на бортах своих кабин. Спускаться вниз, как они это делали ранее, дабы поупражняться в стрельбе, было полным безумием, и поэтому орлы кайзера поспешили покинуть место преступления, всерьез опасаясь за целостность своих летательных аппаратов.

Несчастный город горел целых три дня, и еще столько же остывали его руины, раскалившись от неимоверного жара. Всего погибло 52 тысячи человек, и 210 тысяч получили ранения, ожоги и отравление угарным газом различной степени тяжести. Полностью сгорело 121 тысяча домов, остальные стали руинами.

Когда днем 16 сентября кайзеру доложили об очередном успехе его любимцев, радости Вильгельма не было предела. Уже ближе к вечеру он с огромным упоением рассматривал в сильную лупу свежееотпечатанные снимки горящего Шеффилда, лично решая, какую фотографию следует поместить на агитационной листовке, для разбрасывания немецкими самолетами над Англией с воздуха в ближайшие дни. После этого император с удовольствием посмотрел свежую хронику полета, специально снятую с дирижабля фон Цвишена, решая, что следует показать немецкому народу, а что нет.

Всем участникам налетов на Британию были вручены золотые кресты «За заслуги» I степени офицерам и II степени – унтер-офицерам. Кроме этого, всем аэронавтам было разрешено носить на правой половине кителя специальный жетон в виде головы орла, свидетельствующий об участии в боевых вылетах. Сам Берг получил обещанное кайзером звание генерал-лейтенанта, что вызвало скрытую волну недовольства среди его коллег по Генеральному штабу. Родовитые стратеги и тактики яростно возненавидели «выскачку-техника», стремительно идущего вверх по карьерной лестнице. Виновник генеральского гнева чувствовал это, но упрямо продолжал верить в свою звезду.

Чтобы хоть как-то уменьшить горечь трагедии, британское правительство сначала запретило публикацию в газетах о налете на Шеффилд, а затем, только через два дня, объявило о количестве погибших и пострадавших, уменьшив его ровно в два раза.

Все это время все газетные передовицы пестрели аршинными заголовками о наступлении на линию Зигфрида и об огромных потерях, которые несет враг под ударами войск Антанты. Когда молчать о трагедии Шеффилда уже было нельзя, так как немецкие самолеты забросали своими листовками Дувр и Лондон, отчеты о трагедии газеты стали публиковать на вторых страницах, продолжая смаковать на передовицах успехи союзного наступления во Франции.

Этот хитрый ход во многом помог Ллойд-Джорджу, сумев в какой-то степени принизить драму Шеффилда и не дать гневу простого народа бурно выплеснуться наружу.

К штурму линии Зигфрида союзники готовились в большой спешке, но это не помешало создать им численное превосходство в артиллерии и пехоте. На 16 сентября под рукой Фоша находились 202 полнокровные дивизии и 19 тысяч орудий, против 189 германских дивизий и 2 тысяч орудий кронпринца Вильгельма.

Подобный ощутимый перевес в пехоте был достигнут союзниками за счет быстрой доставки американцев, общая численность которых уже к середине месяца достигла полумиллиона. Столь стремительный прирост людских резервов оказался возможен благодаря тому, что американцы перевозились очень скученно и без оружия, без лошадей и прочего снаряжения, которое им выдавалось уже во Франции. Кроме этого, ради собственного спасения, Англия поспешно выделила американцам корабли большого тоннажа, которых у них не было в нужном количестве. Для охраны транспортов с солдатами англичане отрядили все свои миноносцы и легкие крейсера, которые должны были бороться с германскими подлодками.

16 сентября, едва только наступил рассвет, как почти на всем протяжении Западного фронта началась орудийная канонада. Грохотало не только под Реймсом и Сент-Кантенем, Аррасом и Камбре, но даже под Верденом и Кале. И если под Верденом действия американцев носили чисто отвлекающий характер, то на севере Фош бросил в бой даже остатки бельгийской армии.

Продолжительность артподготовки была разная; под Сент-Кантенем она длилась ровно 3,5 часа, тогда как на всех остальных участках фронта растянулась на 6–8 часов. Русский легион и марокканская дивизия стремительно атаковали немецкие позиции и, к изумлению союзников, за день смогли продвинуться на три километра. При этом бои на этом участке фронта носили исключительно ожесточенный характер, контратаки с одной и другой стороны заканчивались рукопашными схватками, с большими потерями, как для наступающих, так и для обороняющихся.

Русским, арабам, кабилам и сенегальцам противостояли элитные имперские части в лице 1-й Прусской дивизии Фридриха Великого и 5-й гвардейской, личным шефом которой был сам кайзер. Район Шато-де-ля-Мот несколько раз переходил из рук в руки, но к вечеру первого дня наступления он все же остался за русскими, которые вышли ко второй линии обороны германских позиций.

Наступление самих союзников было более чем скромным; британцы продвинулись под Камбре на два километра, потеряли 21 машину и встали, обнаружив огромные противотанковые рвы, хорошо замаскированные и невидимые с воздуха. Все подходы к ним прекрасно простреливались замаскированными орудиями, установленными на прямую наводку, и сыны Альбиона сочли за лучшее отступить, дабы сохранить свои танки.

Французы не продвинулись под Аррасом далее первой линии окопов, угодив под мощную контратаку противника, поддержанную с воздуха и ответным артиллерийским огнем с запасных позиций. Аналогичное положение было у бельгийцев и американцев, сумевших прорвать первую линию обороны, но остановленных яростными контратаками противника.

На следующий день контратаки возобновились с новой силой. Особенно яростными были они против Русского легиона и Марокканской дивизии, разгромить которых кронпринц считал делом своей чести. Немцы атаковали с самого утра и, пользуясь внезапностью, смогли несколько потеснить марокканцев, однако, контратаковав через час, они не только вернули утраченные позиции, но и сами ворвались в передовые окопы второй линии полосы Зигфрида.

Жестокая и отчаянная схватка между солдатами шла за каждую траншею, блиндаж и опорный пункт, и, если его сдавали противнику, то противоположная сторона немедленно атаковала, стремясь любой ценой вернуть себе утраченное пространство, не считаясь с потерями.

Сопrotивление немцев было особенно яростным и фанатичным, но к исходу четвертого дня наступления русско-марокканская братия смела врага с занимаемых позиций и вышла к запасной линии обороны. На пятый день боев Фош наконец-то решил перебросить сюда французские танки, не добившиеся успеха под Аррасом. Прорвав передовую линию обороны противника и продвинувшись на семь километров, французы наткнулись на новый оборонительный рубеж, организованный на обратном склоне холмистой местности в виде широкой

заградительной полосы, совершенно непроходимой для танков, с хорошо замаскированными артиллерийскими позициями.

На такую же глубину смогли продвинуться под Камбре и англичане, остановленные контратакой подошедшего резерва, где завязалась отчаянная позиционная борьба. Неся большие потери, британцы буквально выдавливали немцев с бугорка, холма или возвышенности, надеясь вот-вот сломить их сопротивление, но с каждым днем тевтоны дрались все лучше и дружнее, и если отходили, то только взяв достойную плату за свое отступление.

Под Реймсом американцы имели самый большой успех в прорыве германского фронта. Продавив позиции врага своими танками, они смогли вклиниться в расположение врага на девять километров, но развить дальнейший успех не смогли, испытывая большие затруднения в снабжении. Это было вызвано в первую очередь нерадивостью самих янки, чьи транспорты забили все тыловые дороги до такой степени, что долгое время было невозможно продвинуть грузы вперед или назад.

Хлынувшие 21 сентября затяжные осенние дожди свели на нет весь наступательный пыл союзной бронетехники. Танки постоянно вязли в размокшей от влаги почве и не могли поддерживать пехотинцев в их отчаянных атаках на врага. Теперь все сводилось к артиллерийской дуэли между противниками и наступлению пехоты под пулеметным огнем немцев. Постоянно меняя расположение своих огневых точек, германские пулеметчики, подобно фениксу, каждый раз возрождались на пути солдат союзников после артиллерийского обстрела позиций.

Русские более грамотно распорядились своей вынужденной остановкой. Убедившись, что от прибывших к ним танков мало пользы, они сосредоточили весь свой орудийный огонь на разрушение проволочных заграждений и каждую ночь высылали специальных охотников, выявлявших основные и запасные позиции немецких пулеметчиков.

Когда после трехдневного затишья, утром 24 сентября русские и марокканцы, под прикрытием орудийного огня, вновь ринулись на вражеские траншеи, то ожившие пулеметы были уничтожены гранатами охотников, заранее незаметно занявших свои позиции перед передним краем германских траншей.

Промокшие и озябшие от длительного лежания на земле, эти смельчаки быстро бросали гранатами ожившие огневые точки врага, а затем сами бросились в рукопашную схватку. Враг был полностью ошеломлен столь быстрым изменением картины боя и вначале не оказывал сильного сопротивления, отдавая наступающим траншею за траншеей.

Вскоре немцы опомнились и стали контратаковать, но наступательный порыв легиона уже было невозможно остановить. Вся эта интернациональная команда столь яростно давила на врага, что к началу 26 сентября они не только полностью прорвали оборонительные порядки немцев, но и разгромили весь резерв, брошенный кронпринцем для фланговой контратаки.

Позже, при подсчете полутора тысяч пленных, выяснилось, что они принадлежат к 14 полкам из семи различных дивизий. Всего же за время боев русские и марокканцы потеряли убитыми и ранеными 62 офицера и более 3,5 тысячи солдат. Фош щедрой рукой поспешил раздать боевые награды отважным героям, в числе которых был унтер-офицер Родион Малиновский, получивший Военный крест.

Как только фронт под Сент-Кантенем был прорван, Гинденбург отдал приказ о немедленном отходе на новую линию обороны, дабы избежать окружения. Отступление проводилось в основном в ночное время, потратив весь светлый отрезок дня на полномасштабное уничтожение всего того, что представляло хоть малейшую материальную ценность для врага.

Проводя тактику выжженной земли, германские солдаты уничтожили все железнодорожное полотно, мосты, водонапорные башни, которые оказались на их пути. Все это делалось с чисто немецкой педантичностью и пунктуальностью, приводя в ужас идущих вслед за ними французов, англичан, бельгийцев и американцев.

Солдаты Антанты, пытавшиеся атаковать аррьергардные заслоны, вскоре познакомились с такой военной новинкой, как масштабное минирование дорог, начиная от шоссе и кончая проселочными, грунтовыми дорогами. Движущиеся походными колоннами пехотинцы несли большие потери, потому как после подрыва мин на дороге солдаты пытались продолжить движение по обочинам и полям вдоль дорог, но тут же натыкались на новые мины, заботливо выставленные немцами вдоль дорожных обочин и на путях возможного обхода.

После таких «сюрпризов» преследователи долго топтались на одном месте и вынуждены были продолжать движение только после того, как саперы проведут полное разминирование. Через несколько километров следовал новый взрыв, и все повторялось снова. Данные меры оказались настолько эффективными, что германские части сумели перейти на свои новые позиции без особых потерь.

Немецкое отступление продлилось до 30 сентября и обошлось немцам в 24 тысячи пленных и 1251 артиллерийское орудие. Першинг был очень недоволен большими потерями среди своих солдат, перевалившими за 48 тысяч убитыми и ранеными, ему вторил генерал Хейг, лишившийся 52 тысяч британцев, и бельгиец Посси, чья убыль равнялась 31 тысяче бойцов. Однако Черчилль и сам Фош были в приподнятом настроении.

Первый смог достойно рапортовать в своих посланиях в Лондон об оглушительных успехах английского оружия, позволив британцам полностью позабыть подвиги Марокканского корпуса, без зазрения совести приписав свершенные ими деяния англичанам. Черчилль с радостью позабыл бы и Русский легион, но не рискнул предавать его забвению, поскольку за его спиной маячил Корнилов.

Сам генералиссимус был вдохновлен не столько результатами своей скромной победы, сколько осознанием того факта, что его армии могут наступать и бить врага, от которого еще совсем недавно они сами стремительно бежали. На заседании совета объединенных штабов Фош пообещал продолжить наступление и взять линию Гинденбурга еще до конца года.

К столь громким и многообещающим словам его подталкивал секретный доклад министерства промышленности, с которым Фош ознакомился совсем недавно. В нем говорилось о катастрофическом сокращении стратегических запасов угля и железа во Франции, что ставило его страну в большую зависимость от Англии в послевоенный период. Состояние экономики страны вынуждало Фоша любой ценой продолжать наступление, чтобы за счет возвращения Эльзаса и части Лотарингии, богатых ресурсами, спасти Францию от неминуемой послевоенной кабалы со стороны Англии и Америки.

Однако здесь воля Фоша натолкнулась на железную решимость немцев продолжить сопротивление. Отойдя на заранее подготовленные позиции по линии Ньюпорт, Ипр, Лилль, Дуэ, долина Уазы, Ретель и Верден, кронпринц уверенно отразил все попытки союзников с ходу прорвать новую линию обороны. Подтянув из тыла свежие резервы, состоящие из четырех полнокровных дивизий, кронпринц заметно остудил рвение Фоша, заставив его перейти к планомерной осаде.

Оперативные документы

Из доклада начальника полевой жандармерии Западного фронта генерал-майора Фриче фельдмаршалу Гинденбургу от 18 сентября 1918 года.

Секретно. Лично

...За последние три месяца в войсках нашего фронта участились случаи проявления антивоенной агитации, при этом необходимо отметить, что, если ранее этому влиянию были подвергнуты в основном тыловые и резервные части рейхсвера, то теперь с каждым месяцем увеличивается число выявленных агитаторов во фронтовых частях. Как показало след-

ствие, выявленные агитаторы в большинстве своем оказались скрытыми марксистами различных направлений, мобилизованными в ряды рейхсвера. Большой частью – представители так называемого «Союза Спартака», за которым стоят бывшие депутаты рейхстага Карл Либкнехт и Роза Люксембург, недавно выпущенные из тюрьмы и находящиеся под негласным наблюдением полиции.

Всего за указанный период за антивоенную агитацию было арестовано свыше 860 человек, в отношении которых было проведено ускоренное следствие, следуя законам военного времени, 126 человек были признаны особо опасными преступниками и, согласно решению трибунала, были расстреляны перед строем солдат в своих частях. Остальные агитаторы были осуждены на разные сроки и большей частью были отправлены в штрафные роты для искупления кровью своей вины перед рейхом и немецким народом.

Генерал-майор Фриче

Секретная телеграмма премьер-министру Ллойд-Джорджу от английского поверенного в Кабуле советника Скринджерса от 15 сентября 1918 года.

Секретно. Лично

Дорогой сэръ! События, о которых я докладывал Вам 13 сентября, развиваются очень стремительно и приобретают совершенно нежелательный оборот для британской короны. Если ранее Аманулла-хан только декларировал свои намерения потребовать полной независимости Афганистана, то сегодня он на деле доказал твердость своих намерений.

По его приказу в город было введено две с половиной тысячи хорошо вооруженных солдат, которые полностью блокировали нашу миссию, запретив кому-либо из сотрудников покидать здание. В ответ на наши протесты Аманулла-хан передал через посланника, что мы являемся его заложниками, со всеми вытекающими из этого последствиями.

Вместе с тем к нам в миссию доставляют воду и продукты, а также позволяют поварам закупать провизию на базаре. Никакой явной опасности для наших жизней нет, как нет и затруднений для связи с Дели посредством телеграфа.

Советник Скринджерс

Из телеграммы от премьер-министра Ллойд-Джорджа вице-королю Индии лорду Челмсфорду от 16 сентября 1918 года.

Секретно. Лично

Примите все меры для скорейшего освобождения персонала нашей миссии в Кабуле, взятого в заложники Аманулла-ханом. В случае необходимости направьте два полка сикхских стрелков под командованием бригадного генерала Монро.

Ллойд-Джордж

Из секретного донесения вице-адмирала австрийского флота Ференца Секочи начальнику Генерального штаба генерал-полковнику Штрауссенбургу от 18 сентября 1918 года.

Секретно. Лично

...В ночь с 16 на 17 сентября этого года стоянка нашего флота в Триесте подверглась нападению морских диверсионных сил противника, в результате которого был уничтожен наш линкор «Вирибус Унитис». Сильный взрыв на корабле раздался в 1 час 30 минут в районе носовых башен, после чего на линкоре начался пожар. Через пять минут на корабле прогремел второй взрыв меньшей мощности, затем в 1 час 37 – еще два малых взрыва. Одновременно, по

приказу начальника порта, два буксира начали эвакуацию стоявших рядом линкоров «Принц Ойген» и «Тегетгоф». В 1 час 42 минуты, вновь на борту линкора произошло три последовательных взрыва, в результате которых из носовых башен было выброшено два артиллерийских ствола 12-дюймового калибра. Начался сильный пожар по всему кораблю.

В 1 час 48 минуты к борту «Вирибус Унитис» подошли портовые катера для спасения людей, бросающихся за борт судна, и во время эвакуации снова раздался одиночный взрыв. За период с 1 часа 50 минут до 2:03 на линкоре прогремело шесть взрывов различной силы и последовательности. В 2 часа 15 минут подошли портовые пожарные катера, которые стали тушить пожар на корабле и продолжили спасение моряков, большинство из которых пострадало от взрывов, огня и продуктов горения.

В 2 часа 22 минуты опять последовал сильный взрыв, и форштевень корабля погрузился в воду. Через четыре минуты погрузился нос линкора, а в 2 часа 31 минуту «Вирибус» стал крениться и лег на правый борт. В таком положении корабль находился около минуты, после чего перевернулся килем вверх и затонул.

Только от взрывов погибло 213 матросов, двое кондукторов, один мичман и один инженер-механик. 386 тяжелораненых и обожженных было доставлено в морской госпиталь, остальных членов команды удалось спасти.

Как показало следствие, боновые заграждения, выставленные для защиты от атак итальянских торпедных катеров, последняя была 10 июля этого года, результатом которой стало потопление линкора «Сент Иштван», не были нарушены.

Заграждения были обследованы полностью и со всей тщательностью двумя поисковыми командами, но безрезультатно. Рейд подводных лодок противника также исключен, поскольку, согласно рапорту портовых водолазов, дно затонувшего линкора не повреждено. Анализ всех данных однозначно указывает на то, что взрыв был произведен внутри корабля.

Из данных допросов спасшихся матросов, опрошенных офицерами контрразведки флота, выявлен факт проникновения на борт посторонних людей, которые, по-видимому, убили вахтенного часового на баке и заложили мины с часовым механизмом в пороховой камере носовой башни 12-дюймовых орудий. Со слов свидетеля, он видел, как кто-то плыл в сторону от линкора за три минуты до взрыва. Поднятый по тревоге караул попытался осветить корабельным прожектором акваторию порта, но в этот момент произошел взрыв...

Вице-адмирал Секочи

Из письма специального британского посланника в штабе союзных сил Уинстона Черчилля премьер-министру Ллойд-Джорджу от 18 сентября 1918 года

...Совершив подлое нападение на мирные города Британии, противник развязал нам руки для нанесения ответного удара тем же оружием. В качестве ответной меры предлагается нанесение массированного бомбового удара по одному из крупных городов Германии. Этот налет должен привести к многочисленным жертвам среди гражданских лиц, что будет своеобразной расплатой с врагом за гибель наших людей, а также вызовет широкое недовольство политикой кайзера внутри страны. Дабы наш удар максимально достиг своей цели, предлагаю, во-первых, из нескольких эскадрилий бомбардировщиков «Хэндли Пейдж» создать специальный отряд под командованием подполковника Хэндерсона, общей численностью 42 машины. Во-вторых, вместо привычной бомбовой нагрузки применить снаряды с отравляющим веществом. В отличие от немцев, у нас количество подобных снарядов ограничено, но для нанесения одного удара должно хватить. Прошу в срочном порядке рассмотреть мое предложение и дать ответ.

Уинстон Черчилль

Глава III Осенний листопад (Продолжение)

Густой белый туман плотной пеленой мягко струился над сонной Вислой ранним утром 12 сентября. По всем приметам день обещал быть пригожим и солнечным, но это мало занимало кавалеристов корпуса генерала Келлера, изготовившихся к атаке по немецким позициям под Сандомиром.

Согласно межфронтовому разграничению, этот польский город относился к полосе наступления Западного фронта, но первыми к нему вышли конные разезды Юго-Западного фронта, преследовавшие бегущих от Жешува австрийцев.

В Сандомире находились только части ландвера, тогда как все элитные дивизии Людендорф срочно перебросил в Восточную Пруссию для отражения ожидаемого наступления русских на Кенигсберг. Фельдмаршал шел на этот риск, прикрывая центр своего фронта второстепенными войсками, намереваясь в самом скором времени не только прервать победное шествие врага, но даже погнать его обратно. При этом он беззастенчиво сравнивал себя с великим Ганнибалом, грозясь устроить зарвавшимся дикарям вторые Канны. Эта навязчивая мысль полностью овладела умом первого стратега Германии, и он с легкостью был готов принести в жертву малые фигуры, ради общей большой победы.

Ставка Корнилова, прекрасно зная о намерениях противника и упреждая действия Людендорфа, решила провести свое наступление против немецких частей Восточного фронта. С этой целью под Сандомир был перебросен корпус генерала Келлера, временно изъятый из подчинения генералу Дроздовскому. Совершив за короткий срок скрытый стодвадцатикилометровый марш-бросок, корпус Келлера успешно вышел в указанный ему район сосредоточения. При подходе к фронту кавалеристы получили подкрепление, которое было специально перебросено по железной дороге под Холм, откуда своим ходом двинулось на соединение с генералом.

В районе намечаемого прорыва корпуса Келлера немцы не успели возвести непрерывную линию окопов, и вся их оборона состояла из многочисленных очагов обороны вокруг крупных населенных пунктов. Они были способны задержать на время наступление вражеской пехоты, но против удара конного корпуса были малоэффективны. Однако главная опасность для немцев таилась в тех солдатах, которым предстояло противостоять конникам Келлера, ибо это поголовно были части ландвера. Они умели хорошо наводить порядок среди местного польского населения и совершенно не годились для сражения с «дикими казаками», о буйных зверствах которых столь усиленно трубила пропаганда кайзера.

Появление корпуса Келлера в прифронтовой полосе осталось незамеченным для врага. Все офицеры гарнизона Сандомира в один голос твердили, что новый удар русских корпусов следует ожидать только в направлении Варшавы и никак иначе. Подобное благодушное настроение основывалось на циркулярах командующего Восточным фронтом, постоянно поступающих в штаб гарнизона.

О настроении противника генералу Келлеру донесли два польских перебежчика, служивших при штабе полковника Бломберга. Прекрасно зная местность, они смогли удачно миновать линию германских постов и прийти к русским. Их тщательно допросили офицеры контрразведки фронта, но ничего подозрительного поляки у дознавателей не вызвали. Кроме сведений о настроении гарнизона, они рассказали о численности охраны у переправы через Вислу, являющейся главной задачей корпуса на первичном этапе наступления.

Генерал Келлер придавал большое значение захвату Свишенской переправы, и потому сведения перебежчиков были как нельзя кстати. Дав личному составу корпуса день для приведения себя в полную боевую готовность, Федор Артурович бросил своих орлов на позиции ничего не подозревавшего противника.

Наступление на врага было начато без привычной артподготовки, что представляло собой большой риск. Однако генерал Келлер смело отошел от этого тактического шаблона, и конный клинок полностью оправдал надежды первой шашки России. Передовые позиции врага были прорваны уже в первом часу наступления, и застигнутые врасплох немцы были не в силах противостоять натиску русских кавалеристов.

Напуганные внезапным появлением перед собой орды ужасных азиатов, неудержимо рвущихся вперед, солдаты ландвера тут же вспоминали о зверствах и произволе, которые они творили с пленными, согласно газетным передовицам. Никто из них не испытывал желания испытать все эти прелести на себе, и поэтому, едва только возникла угроза выхода кавалерии противника в их тыл, немцы быстро отходили с занимаемых позиций, стремясь избежать окружения.

Как только оборона противника была вскрыта, генерал Келлер немедленно ввел в прорыв главные силы кавкорпуса, решительно расширяя наметившийся успех. Оставляя пехоте неподавленные очаги сопротивления врага, передовые части Келлера уже к началу третьего часа наступления вышли в Вислу. Лихим наскоком русские кавалеристы опрокинули охрану переправы и на одном дыхании форсировали шестьдесят метров водной преграды. Закрепившись на противоположном берегу реки, они стали дожидаться подхода основных сил корпуса вместе с самим командиром.

В противовес генералу Келлеру, который вместе со своими орлами лично крушил оборону врага, полковник Бломберг являлся типичным представителем военной аристократии, получив чин и место благодаря протекции. Едва только весть о прорыве фронта достигла его ушей, Бломберг запаниковал, впал в истерику и не придумал ничего лучшего, как обвинить начальника своего штаба в развале фронта и измене рейху. После этого он направил телеграмму Людендорфу, с требованием оказания ему скорейшей помощи для отражения наступления врага и одновременно приказал стянуть к Сандомиру все германские части, расположенные в округе.

Когда же в городе стало известно, что русские части уже пересекли Вислу и вышли на оперативный простор, и их появление в городе ожидается в самое ближайшее время, полковник окончательно потерял голову. Бросив все на произвол судьбы, он сел в штабной автомобиль и покинул Сандомир, возложив его оборону на начальника штаба, попутно пригрозив тому военно-полевым судом. Стоит ли удивляться, что не успел автомобиль командира отъехать от города, как в бегство обратились все остальные офицеры гарнизона.

Русский авангард успел застать хвост бегущей колонны противника и, сильно потрепав ее, взял в плен двести двадцать шесть солдат и офицеров врага. Келлер прибыл в Сандомир ровно через час после бегства Бломберга и, не дожидаясь подхода пехоты, оставив в городе только одну роту драгунов, бросился преследовать неприятеля.

Подобная активность старого кавалериста была обусловлена не только храбростью и мощью его армии. Впервые за все время войны он столкнулся с явным нежеланием противника вступать в бой, предпочитавшего сражению разумную трусость отступления. Подобно легавой собаке генерал моментально уловил этот пораженческий настрой немцев, который как две капли воды был похож на настрой австрийцев, с которыми Келлер сражался ранее. Поэтому Федор Артурович и устремился в погоню за врагом, стремясь как можно лучше использовать выпавший ему шанс.

Уже к вечеру кавкорпус приблизился к Радому, громя и уничтожая на своем пути бегущие части полковника Бломберга. Один из полков пытался оказать сопротивление нападаю-

щей кавалерии, выстроившись в каре, но по немцам сразу ударили пулеметы лихих тачанок, которых вскоре поддержали пушечные залпы. Фланговый удар драгунов окончательно сломил у немцев дух сопротивления, и они начали сдаваться в плен, не желая быть порубленными острými клинками «страшных казаков».

Сам Бломберг счастливо избег плена, хотя в его случае он был бы для него лучшим вариантом. Через неделю бывший полковник рейхсвера Альфред Бломберг был расстрелян по личному приказу Людендорфа, горячо одобренному самим кайзером. Столь жестокое решение в отношении бежавшего с поля боя офицера было вполне оправданно, но изменить положение дел на фронте оно уже не могло.

В образовавшуюся под Сандомиром дыру неустойчивой рекой хлынула русская пехота. Ведя наступление на Краков, они непрерывно теснили немцев, стараясь не дать тем создать новые рубежи обороны. Своими действиями пехотинцы надежно прикрывали фланг корпуса Келлера, которому теперь предстояло действовать исключительно самостоятельно.

Согласно приказу Ставки, кавалерия Келлера, получившая из-за своей численности название конной армии, должна была вести наступление сразу в двух направлениях. Малой части сил, включавшей в себя легкую кавалерию с небольшим количеством тачанок, предстояло наступать в сторону Лодзи, тогда как главные силы армии двинулись вдоль Вислы к Варшаве.

Вслед за Келлером, с задержкой в два дня, начал свое наступление под Седлицей и конный корпус генерала Крымова. В первый же день наступления он так же сумел прорвать германский фронт и, вырвавшись на оперативный простор, двинулся на запад. Однако, вопреки мнению Людендорфа, русские кавалеристы наступали совершенно не в сторону Варшавы. Разделившись подобно конникам генерала Келлера на две части, корпус двинулся в двух противоположных направлениях. Сам генерал Крымов возглавил части, наступавшие на Ивангород, в котором располагалась III Саксонская дивизия генерала Штюмлера.

Это воинское соединение относилось к регулярным частям рейхсвера и представляло собой довольно опасного врага. Согласно плану Людендорфа, в случае прорыва русских к Варшаве саксонцы должны были ударить с юга во фланг противника, вместе с гарнизоном Новогеоргиевской крепости наступавшего с севера. Имевшихся у немцев сил вполне хватало, чтобы отсечь передовые русские части от остальных сил и удерживать их в мешке, до подхода помощи из Восточной Пруссии. Задумка была неплоха, однако действия русских не укладывались в схему, построенную по шаблонам начала войны.

Ставка Верховного Главнокомандующего вовремя распознала притаившуюся угрозу германских «клещей» и поставила перед генералом Крымовым задачу – разгромить силы противника по частям. Для этого в помощь наступающим на Ивангород частям корпуса была придана особая группа войск генерала Грошева, имевшая в своем составе два бронепоезда. Прорвав при их поддержке фронт в районе Люблина, она наступала на Ивангород с юга, тогда как главные силы Келлера продвигались вдоль западного берега Вислы к переправам Ивангорода, намереваясь отрезать немцам возможность отхода за реку.

Узнав о прорыве противником фронта и его приближении к крепости, Штюмлер не ударился в панику, а решил сражаться с врагом, рассчитывая на скорую помощь со стороны Людендорфа. Саксонцы храбро встретили пехоту генерала Грошева на подступах к крепости и отошли на линию фортов, только когда в дело вступила артиллерия бронепоездов противника.

Укрывшись в казематах крепости, Штюмлер твердо намеревался дожидаться прибытия подкрепления из Варшавы, однако его надеждам не суждено было сбыться. Все стратегические расчеты немцев были спутаны действиями диверсионного отряда Шкуро, заброшенного за линию фронта за неделю до начала наступления.

Сумев незаметно просочиться в тыл противника небольшими группами, конные диверсанты на время затаились, чтобы 15 сентября совершить внезапное нападение на железнодорожную ветку в направлении Ивангород-Варшава.

Выбрав неохраняемый участок полотна, они разобрали рельсы и, затаившись в засаде, стали дожидаться появления добычи. Первой их жертвой стал товарняк, следовавший со стороны Варшавы на Ивангород и до отказа нагруженный строительными материалами. Остановив поезд перед поврежденными путями под видом патруля полевой жандармерии, волчата Шкуро быстро захватили паровоз, не позволили машинисту вывести эшелон из ловушки. Как только состав оказался в руках диверсантов, они сразу запалили смолистую древесину. Не прошло и пяти минут, как несчастный товарняк запылал, превратившись в один огромный костер.

Аналогичная судьба постигла порожняк, прибывший к месту засады из Ивангорода. Он также был захвачен диверсантами и незамедлительно предан огню. Все это было сделано в одном месте, что надолго парализовало движение на железнодорожной магистрали в обоих направлениях. Причиной тому послужила деформация рельсов и разрушение полотна в результате длительного воздействия высоких температур.

Выехавшая к месту аварии бригада железнодорожных мастеров подверглась пулеметному обстрелу из засады и была полностью уничтожена. Только утром следующего дня, под усиленной охраной, немцы смогли приступить к началу ремонта дороги, но время, необходимое для оказания помощи гарнизону Ивангорода, было упущено.

Не успел Штюмлер переварить это известие, как ему сообщили, что за Вислой появился конный отряд русских. Стремительным броском он разгромил охрану моста, после чего крепость оказалась в полной изоляции.

Укрепления Ивангорода могли успешно отражать атаки пехоты и кавалерии, но были бессильны перед огнем тяжелой артиллерии. По этой причине русские и оставили крепость без боя во время отступления пятнадцатого года, успев вывезти из нее все вооружение. За время своего пребывания в Ивангороде немцы оставили все, как было, явно не намереваясь использовать укрепления по назначению.

Оказавшись в осаде, лишенный связи с командованием и подвоза подкрепления, Штюмлер не стал дожидаться, когда орудия русских превратят крепостные форты в руины, и решил пробиваться на соединение с варшавской группировкой генерала фон Бредова. Ошибочно посчитав, что с севера у него находятся только одни конные заслоны Шкуро, рано утром 17 сентября он вывел свои войска из крепости, оставив в ней только арьергардный отряд.

Опасаясь, что противник все же обнаружит его отступление, Штюмлер приказал своим батальонам идти как можно быстрее, без проведения разведки, за что жестоко поплатился. Походная колонна саксонцев успела пройти несколько километров, когда по ним с ближайших к дороге холмов неожиданно ударили пулеметы. Стреляли с двух сторон, насквозь прошивая длинными очередями передние ряды идущей пехоты. Не успели застигнутые врасплох солдаты развернуться в боевые цепи и открыть ответный огонь, как к ожесточенному треску пулеметов присоединились гулкие минометные завывания, и среди распластавшихся на земле людей стали вырастать черные разрывы мин.

Завязался ожесточенный встречный бой, и чем дольше он продолжался, тем отчетливее стало ясно, что немцы ведут бой не с засадой малочисленных диверсантов, а с крупным воинским подразделением. С каждой минутой сражения сопротивление русских неуклонно возрастало. Оружейный огонь становился все гуще и плотнее, а вскоре по саксонцам открыли огонь полевые орудия, полностью перечеркивая надежды на возможный прорыв.

Не желая признавать свое поражение, Штюмлер попытался обойти вражеский заслон с правого фланга, но и здесь немецкие солдаты наткнулись на плотный заградительный огонь, а там, где не было пулеметов и пушек, дорогу преграждали кавалеристы генерала Крымова.

Получив отпор, Штюмлер решил атаковать противника с другого бока и начал перебрасывать свои силы на левый фланг, но в этот момент саксонцы подверглись удару с воздуха. Два русских бомбардировщика «Илья Муромец», вылетевшие на бомбежку участка железной дороги Ивангород-Варшава, вначале щедро забросали немцев бомбами, а затем долго ходили над головами упавших пехотинцев, поливая их пулеметными очередями.

Воздушный налет стал последней каплей, переполнившей чашу терпения Штюмлера. Потеряв в бою только убитыми около трехсот человек, генерал решил повернуть обратно, однако к этому времени в самой крепости уже шли ожесточенные бои.

Узнав от перебежчиков о скрытом оставлении немцами крепости, генерал Грошев отдал приказ о штурме Ивангорода. Атака была успешной. Пользуясь малым числом защитников крепости, русские пехотинцы смогли сломить их сопротивление и стали захватывать крепостные укрепления одно за другим.

Когда саксонская дивизия вернулась в крепость, в руках оставленного арьергарда оставались всего лишь два северных рavelина и цитадель с выходом на переправу через Вислу. Положение немцев было отчаянным, однако Штюмлер не собирался сдаваться. Правильно предположив, что число стоявших за Вислой кавалеристов не столь огромно, он решил ночью прорываться за реку по мосту, благо тот не был взорван, а только находился под прицелом русских пулеметов.

Едва только стемнело, как саксонцы двинулись к Висле, максимально стараясь соблюсти тишину. Не имея прожекторов и вынужденные освещать переправу сигнальными ракетами, русские дозорные слишком поздно заметили движение немцев по мосту, и потому открытый пулеметный огонь не смог остановить их атаку. Устилая свой путь телами павших солдат, саксонцы смело прорвались на другой берег реки и уничтожили пулеметные гнезда противника в рукопашной схватке.

Однако развить свой успех и полностью отбросить русских от переправы солдаты Штюмлера не смогли. Командир приданной для обороны переправы артиллерийской батареи, капитан Неверов, еще днем, предвидя возможность ночного прорыва неприятеля из-за реки, приказал изготовить свои орудия для ведения заградительного огня в районе переправы. Поэтому едва саксонцы подавили русские пулеметы, как на них обрушились осколочные снаряды артиллеристов Неверова.

Каждый их разрыв выбивал в плотных рядах движущейся пехоты до десятка человек, и потому саксонцы быстро залегли. С большим трудом немецким офицерам все же удалось увлечь своих солдат в новую атаку, но в это время к переправе подоспели пулеметные тачанки и их тугие пулеметные очереди прочно прижали саксонцев к земле.

Из-за темноты Штюмлер не мог правильно определить силы противостоящего ему врага. Появление на поле боя тачанок он принял за подход главных сил армии Келлера и потому отказался от дальнейшего продолжения боя. Оставив у переправы заслоны, он начал быстрый отход в направлении Варшавы, опасаясь возможного преследования, но его не было. Отстояв переправу, русские кавалеристы не рискнули напасть на отступившего врага.

Главные силы конармии во главе с генералом Келлером подошли к переправе утром 18 сентября. Узнав о ночном прорыве неприятеля, Федор Артурович немедленно устремился в погоню за противником. Как ни спешили германские пехотинцы уйти от врага, но к полудню кавалеристы первой конармии нагнали немцев вблизи Страмбовки и с ходу атаковали врага.

Измученным и усталым от марш-броска саксонцам пришлось изведать всю боевую силу лихого русского удара. Жаркий бой длился менее получаса, после чего немцы стали беспорядочно отступать под мощным натиском конармейцев. Многие солдаты противника, спасая свои жизни, бросали на землю свое оружие и покорно поднимали руки перед грозными кавалеристами. Видя столь плачевную картину боя и осознав безысходность положения, Штюмлер приказал офицерам своего штаба сдаваться в плен, а сам застрелился.

В этот же день передовые соединения второй половины корпуса Крымова вместе с отрядом Шкуро подошли к предместью Варшавы Праге. Однако они не торопились идти на штурм, ограничившись лишь перестрелкой с караульными постами. Главной задачей кавкорпуса был разгром гарнизона Новогеоргиевской крепости, под командованием генерала Крайчика. В него входила II Гессенская дивизия неполного состава вместе с тремя тысячами солдат ландвера.

Укрепления крепости не пострадали в результате штурма немцев Новогеоргиевска в 1915 году и были способны выдержать штурм, решись русские атаковать город. Сесть в осаду и спровоцировать врага на приступ было для немцев самым лучшим вариантом, но с ним не был согласен сам Крайчик.

Старый службист, он умел только хорошо выполнять полученные приказы и полностью сторонился какой-либо личной инициативы. Имея на руках приказ Людендорфа о фланговом ударе в случае начала наступления русских частей на Варшаву, он намеревался в точности выполнить его, чем сильно сыграл на руку противнику, искавшему предлог выманить немцев из-за стен крепости.

Едва только разведка донесла о появлении перед крепостью вражеских конных патрулей, как Крайчик незамедлительно связался с Варшавой на предмет проведения совместного наступления против русских частей, подступивших к Праге. Командующий варшавским гарнизоном генерал фон Бредов приказал Крайчику строго выполнять приказ Людендорфа и назначил совместное наступление против русских войск на 19 сентября.

Причиной, побудившей фон Бредова отдать этот приказ, послужили активные действия отряда Шкуро с частью приданных ему сил, которые сумели создать у противника ошибочное представление о присутствии возле Праги большого количества войск. Для большей убедительности Шкуро даже предпринял штурм предместья, но быстро отошел, едва встретил сопротивление врага.

Стремясь окончательно запутать противника, генерал Клюев, командующий этой частью кавкорпуса, направил к Праге батарею пушек и пулеметное соединение, которые принялись интенсивно обстреливать немецкие позиции. Все это было расценено фон Бредовым как подготовка к скорому штурму Праги, и потому Крайчику был отдан приказ о выступлении.

Сбив слабые заслоны русских на подступах крепости, гессенцы смело двинулись по направлению Варшавы, но не успели подойти к лесу, через который проходила дорога, как правая колонна под командованием самого Крайчика попала под огонь тачанок, укрытых в молодом подлеске.

Обнаружив присутствие врага, немцы не растерялись, перегруппировали силы и решили ударить врага вбок, так как маневренность тачанок среди деревьев была крайне мала. Оставив два батальона вести фронтальную перестрелку с врагом, остальные силы попытались обойти противника с правого фланга.

Когда до цели оставалось чуть более пятисот метров, внезапный артиллерийский залп и громкое завывание падающих снарядов известили гессенцев об их обнаружении врагом. С противным свистом они прошли над передними цепями германских солдат и упали где-то далеко в тылу. Многие из шедших в атаку на врага немцев облегченно вздохнули от осознания, что смерть прошла мимо и тем самым подарила им несколько минут драгоценной жизни. Многие, но не все. По злой иронии судьбы от взрыва одного из вражеских снарядов, упавших в тылу, погиб генерал Крайчик. Тонкий как бритва стальной осколок снаряда попал ему в плечо и, перебив плечевую артерию, запустил скоротечный секундомер генеральской жизни. Прошло чуть менее четырех минут – и гессенцы лишились своего командира.

Однако передние цепи ничего не знали о разыгравшейся в тылу трагедии и продолжали наступать на врага. Неожиданно по немецким цепям застучал неизвестно откуда появившийся станковый пулемет, затем другой. Осеннее поле стало быстро покрываться рыжими пятнами солдатских ранцев, но славные сыны рейхсвера неудержимо бежали все вперед и вперед.

Расстояние между врагами быстро сокращалось: триста, двести, сто пятьдесят метров. Немцы уже давно потеряли строй и передвигались главным образом небольшими группами, желая выйти на расстояние броска гранаты.

Между противниками оставалось чуть более восьмидесяти метров, когда из леса неожиданно вылетела конная лава и устремилась на немцев. С гиканьем и свистом русские конники скакали на солдат неприятеля, точно выходя им сбоку. Появление на поле боя кавалеристов Крымова стало переломным моментом схватки. Не имевшие большого опыта войны солдаты ландвера испугались огромной массы всадников, стремительно надвигавшихся на них, и, позабыв о верности долгу и чести перед рейхом, бросились спасать свои жизни.

Паническое бегство запасников имело самые пагубные последствия для гессенцев, которые не испугались появления конницы врага и изготовились к схватке с ней. Вместо того чтобы вести прицельный огонь по русским кавалеристам, они только и делали, что отбивались от обезумевшей толпы, ринувшейся на них.

Вначале гессенцы пытались остановить беглецов окриками, затем прикладами и кулаками, однако вскоре им пришлось применить и оружие, но это уже мало могло изменить положение вещей. Общий строй гессенцев был полностью сломлен, и началось массовое отступление к стенам Новогеоргиевской крепости.

Всего в крепость вернулось около полутора тысячи человек из общего числа солдат и офицеров, покинувших ее сегодня утром. Все остальные либо погибли, либо попали в плен, причем последних было гораздо больше, чем первых.

Оставленный Крайчиком в Новогеоргиевске в качестве коменданта майор Ланс был столь сильно напуган случившимся разгромом, что после недолгого размышления решил оставить восточную половину крепости с фортами № 18 и 17 и отойти за Нарев, полностью уничтожив все мосты.

Подобное поведение было обусловлено не только малым количеством боеприпасов крепости с нехваткой сил для полноценной обороны восточных фортов, но и интуитивным желанием Ланса иметь перед собой такого сильного защитника, как быстрое течение Нарева, способное надолго задержать противника.

Отводя войска в западную часть Новогеоргиевска, майор очень боялся попасть в немилость к Людендорфу, однако все обошлось. Фельдмаршал не только не обрушил свой гнев на голову Ланса за оставление крепостных позиций, но даже поставил майора в пример за умение сохранить за собой важную крепость в столь сложных обстоятельствах.

Пока главные силы Крымова сражались с пехотой Крайчика, другая часть корпуса вместе с отрядом Шкуро мужественно отражали наступление войск генерала фон Бредова со стороны Праги.

Каково же было удивление немцев, когда они обнаружили перед собой не разрозненную оборону противника, а вырытые в полный профиль окопы с пулеметными точками. Засевшие в окопах кавалеристы удачно отбили атаку противника, заставив немецкие пехотные цепи залечь задолго до рубежа гранатного броска. Когда же во время второй атаки врагу удалось приблизиться к русским окопам, то драгуны сами закидали наступающего врага гранатами и бросились в штыковую атаку. Бой был скоротечен и, не выдержав навязанной им рукопашной схватки, немцы отошли, к страшному гневу своего командира оберст-лейтенанта Фишбаха.

Раздосадованный очередной неудачей, он приказал привезти полковые орудия и начать обстрел русских позиций. В течение часа немцы методично вколачивали бризантные снаряды по вражеским окопам, но результат обстрела был минимальным. Едва только загремели первые разрывы, драгуны быстро покинули передовые окопы, отойдя на запасные позиции, заранее отрытые на сто метров дальше.

Когда ободренные обстрелом немцы устремились в третью атаку, их вновь встретил пулеметный огонь из уже казавшихся уничтоженными огневых точек русских, и пехотные цепи

сразу залегли, пробежав всего несколько десятков метров. Наблюдавший в бинокль за атакой своих солдат Фишбах неистовствовал при виде столь удручающей картины, но офицеры никак не смогли заставить солдат подняться в новую атаку. Оберст-лейтенант уже собирался приказать вновь открыть артиллерийский огонь по позициям противника, но в это время пришло ужасное известие.

С юга к Варшаве подошла кавалерия генерала Келлера, с ходу вступившая в яростные бои с частями варшавского гарнизона, энергично тесня славных защитников рейха. Молниеносным броском русские перерезали железную дорогу, идущую на Лодзь, и в любой момент могли перерезать дорогу на Торунь. В этом положении оборона Праги становилась совершенно бессмысленна, и поэтому генерал фон Бредов отдал приказ Фишбаху оставить Прагу.

Вовремя заметив начавшийся отход противника, русские кавалеристы вскочили на коней и бросились в преследование. Головной отряд вел молодой старший унтер-офицер Константин Рокоссовский, выросший в этом пригороде Варшавы. Окольными путями Рокоссовский сумел прорваться к мосту и атаковал врага. Оторопевшие от неожиданности немцы не сумели оказать сопротивления храбрым драгунам и трусливо бежали, стремясь поскорее укрыться от острых клинков в подворотнях ближайших домов. Вместе с охраной моста была разгромлена артиллерийская батарея, намеревавшаяся в этот момент въехать на мост.

Часть отряда бросилась преследовать отступавших по мосту солдат противника, а другие драгуны спешили и, уложив лошадей на землю, вступили в перестрелку с немцами. Укрывшись за каменными строениями, они быстро пришли в себя и принялись обстреливать русских кавалеристов. Вскоре к мосту подошел один из арьергардных батальонов во главе с оберст-лейтенантом Фишбахом, и немцы пошли на прорыв.

Положение русских было отчаянное, немцы в несколько раз превосходили их числом, но положение спасла природная смекалка. Не дожидаясь пока противник сметет их в воды Вислы, драгуны развернули брошенные неприятелем орудия и открыли по атакующим немцам огонь прямой наводкой.

Спеша остановить врага, русские стреляли всем, что только попадалось им под руку, и этот причудливый коктейль картечи и бризантных снарядов смог вновь загнать солдат противника в каменные подворотни домов. В этот момент к драгунам прорвались кавалеристы Шкуро, и на сердце смельчаков стало веселее. Немцы еще дважды пытались прорваться на тот берег Вислы, но с каждым разом огонь пушек заставлял их отступать назад, неся серьезные потери.

Ближе к вечеру в Прагу вошли главные силы кавкорпуса во главе с генералом Ключевым, что подвело окончательную черту в борьбе за варшавский мост. Конечно, Фишбах мог, не считаясь с потерями, сбить русский заслон и с уцелевшими от вражеского огня солдатами пробиться за Вислу. Однако господин полковник не сильно горел желанием продолжить воевать за кайзера и империю, а потому с легким сердцем принял предложение о капитуляции, едва оно было сделано.

Но не только за предмостовые укрепления Праги шла жаркая борьба с противником. С не меньшим упорством и напряжением происходило сражение и на самом мосту через Вислу. Драгуны во главе с Рокоссовским смело преследовали на мосту бегущих солдат противника, но как только они приблизились к западному берегу Вислы, их встретил сильный пулеметный огонь. Спасаясь от вражеских пуль, молодой унтер-офицер был вынужден залечь на землю, и тут он заметил электрические провода, идущие из-под мостового пролета в сторону врага. Не раздумывая ни секунды, он их перерезал, тем самым предотвратив подготовленное неприятелем уничтожение моста.

Не обращая внимания на непрерывно свистящие над головой пули, Рокоссовский продолжил осмотр полотна моста и вскоре нашел еще одну минную закладку врага. В результате смелых действий драгуна начальник охранного батальона капитан Герлах не смог произвести

подрыв моста, когда последние немецкие солдаты перешли на западный берег Вислы. Сколь энергично ни крутил капитан ручку магнето, сколь яростно ни давил кнопку взрывателя, мост остался невредим.

За храбрость, проявленную при захвате моста, Константин Рокоссовский по личному представлению генерала Крымова получил свой четвертый солдатский Георгиевский крест и стал его полным кавалером, с производением в первый офицерский чин корнета.

Когда коменданту Варшавы генералу фон Бредову донесли о захвате русскими моста через Вислу в целостности и сохранности, того охватило бешенство. Прорвись в этот момент русские части через мост, и участь Варшавы была предрешена. С огромным трудом, сдерживая себя, чтобы не разразиться проклятиями в адрес размазни Герлаха, генерал глухо прорычал в трубку:

– Либо через полчаса вы доносите мне об уничтожении моста, либо я передаю вас в военно-полевой суд. Вам все ясно? Выполнять!!!

Подхлестнутый столь ясным и энергичным приказом командира, несчастный капитан бросился его исполнять. Ограниченный во времени и средствах, не мудрствуя лукаво, Герлах подтянул к мосту гаубичную батарею и навесным огнем разрушил один из мостовых пролетов. Так, по крайней мере, показалось наблюдавшему в бинокль капитану, а уточнить результаты попадания он не решился.

Когда фон Бредову доложили, что мост через Вислу уничтожен, генерал только хмыкнул и раздраженно бросил трубку на рычаги аппарата. Положение германских войск, оборонявших Варшаву, ухудшалось с каждым часом. Медленно, но верно армия генерала Келлера теснила врага на подступах к польской столице, угрожая замкнуть кольцо окружения.

Фон Бредов уже несколько раз обращался за помощью к Людендорфу, и каждый раз получал один и тот же ответ: «Держитесь, помощь идет», и это не было пустыми словами. По единственной железнодорожной ветке, еще находившейся в руках немцев, фельдмаршал начал срочную переброску под Варшаву из Торна соединений 1-й Вюртембергской дивизии. Кроме них, из Кульма пешим строем двинулась 4-я Вестфальская дивизия вместе с Берлинским кавалерийским полком.

Главной задачей фон Бредова было продержаться под натиском врага сутки, от силы полтора, но саперы генерала Шварца поставили жирный крест на расчетах врага, совершив настоящий подвиг. За полтора суток непрерывной работы они восстановили разрушенное немцами железнодорожное полотно между Седлицей и Варшавой, что позволило генералу Маркову начать переброску пехоты в помощь коннице Ключева. Эшелоны непрерывным потоком двинулись на запад, с каждым пройденным километром отодвигая в небытие планы Людендорфа.

Первыми к Праге вместе с двумя бронепоездами прибыла Стальная дивизия генерала Кольцова, которая немедленно изготовилась к броске через Вислу, ожидая, когда саперы приступят к восстановлению мостового пролета, оказавшегося частично разрушенным. Подопечным генерала Шварца не понадобилось много времени под покровом темноты ликвидировать это повреждение, и рано утром Стальная дивизия устремилась на штурм Варшавы. Дорого, ох как дорого обошелся немецкому командованию скоропалительный рапорт капитана Герлаха об уничтожении моста.

В этот день в сражении за Варшаву отличились не только саперы генерала Шварца. Свой подвиг совершили и летчики второго авиаотряда 3-й армии. Когда генерал Марков получил известие о невозможности для частей Келлера перерезать дорогу на Торн, он поднял в воздух все имеющиеся в его распоряжении бомбардировщики, приказав авиаторам не допустить подхода свежих частей противника к Варшаве.

В Варшаву успел проскочить лишь только один эшелон с солдатами Вюртембергской дивизии. Затем дорога оказалась надолго парализована героическими усилиями русских авиаторов. Вылетевшие на задание «Ильи Муромцы» второго авиаотряда с первого захода на цель

уничтожили паровоз следующего эшелона, а затем принялись поливать огнем из своих пулеметов немецких солдат, не успевших покинуть свои теплушки.

Спасаясь от падающего с небес свинцового града, вюртембергцы в страхе бежали прочь от своих вагонов, стремясь укрыться под желтеющей листвой деревьев. Когда русские бомбардировщики наконец-то улетели, перед глазами вюртембергцев предстало множество горящих вагонов. С большим трудом немцам удалось сначала погасить пылающие теплушки, а затем сбросить их с насыпи.

Не прошло и часа, как над железной дорогой появилось новое звено русских самолетов. Во время второго налета летчикам попался состав, перевозивший артиллерию и боезапасы дивизии. Один из бомбардировщиков на своем вооружении имел небольшие кумулятивные бомбы, которые командованием после удачной премьеры на море было решено использовать и на суше. Во время бомбежки одна бомба упала на крышу вагона, перевозившего снаряды. Не прошло и минуты, как внутри вагона возник пожар, и злополучный вагон с грохотом взлетел на воздух. Сила взрыва была такова, что произошло опрокидывание нескольких вагонов и платформ эшелона, а также было сильно повреждено железнодорожное полотно.

Эти два вылета дались русским летчикам большой кровью. Впервые за все время войны в воздушном бою немецкими истребителями был сбит «Илья Муромец» поручика Крестовского. Получил сильные повреждения и совершил вынужденную посадку самолет штабс-капитана Митрохина, имевшего на своем боевом счету двенадцать успешных вылетов. От сильного удара о землю аппарат повредил правое крыло, обломками которого был серьезно ранен в голову стрелок Федорцов, скончавшийся в госпитале через два дня.

У двух других самолетов были серьезно повреждены моторы и фюзеляжи, ранено три человека экипажа. Все это сильно снижало боеспособность отряда, но жертвы того стоили. Подкрепления, на которые так рассчитывал фон Бредов, не успели вовремя прибыть в Варшаву. 20 сентября, двойным ударом с юга и востока, город был полностью очищен от германских войск, отошедших под прикрытие западных фортов Новогеоргиевска.

Не успела закончиться варшавская эпопея, а неутомимый командарм Келлер уже вел свое усталое воинство к Лодзи, где его авангард вел бои с Померанской дивизией генерала Абста. Большой частью она состояла из новобранцев и призывников старшего возраста, благодаря чему выдвинутые к Лодзи малые силы Келлера могли удачно противодействовать наступавшему на них врагу.

Совершив за два дня стокилометровый переход, конармия Келлера вначале остановила немцев, а с прибытием по железной дороге Стальной дивизии, при поддержке бронепоездов «Георгий Победоносец» и «Святогор», потеснила противника в направлении Лодзи.

Ставка не требовала взятия этого польского города, и поэтому первая конармия перешла к обороне. Теперь все внимание было приковано к Восточной Пруссии, где Людендорф, хотя и с опозданием, готовился начать наступление на врага.

Фельдмаршал тяжело переживал столь неожиданную потерю Варшавы. Полностью поверив данным полковника Николаи о скором наступлении русских в Восточную Пруссию, Людендорф бездарно упустил драгоценное время. Ожидая ударов со стороны войск Маркова и Миллера, прорыва фронта конницей Крымова и Краснова, он упрямо не двигал выстроенные один за другим лучшие корпуса рейхсвера, способные перемолоть ударную силу русских армий в пух и прах.

Готовясь к отражению наступления противника, в местах наиболее вероятных прорывов неприятеля немцы срочно возводили дополнительные оборонительные укрепления, опоясываясь нескончаемыми шеренгами новых траншей и рядами колючей проволоки. Время шло, но все ожидания были напрасны. Русские обманули командуемого Восточным фронтом, ударив совершенно в другом месте.

Только осознав реальную угрозу потери Варшавы, фельдмаршал стряхнул с себя оковы ожидания и стал перебрасывать в Польшу элитные войска, стремясь исправить положение. Однако время было безвозвратно упущено. За короткий срок, используя слабость войск прикрытия, русские армии смогли приблизиться к старым границам, угрожая вторжением в Силезию.

Для удержания Висленского края и Лодзи из Восточной Пруссии по железной дороге был направлен из-под Гумбиннена III и VII имперские корпуса, в состав которых входили лучшие соединения Второго рейха. Опасаясь возможных ударов с воздуха русскими бомбардировщиками, воинские эшелоны шли в обход линии фронта, через Коршен, Кульм, Торн, Кутно.

Людендорф был полностью поглощен защитой Силезии, когда противник нанес германским войскам новый удар. В наступление перешел Северный фронт генерала Кутепова, который с тяжелыми боями прошел от берегов до Либавы, выйдя к германской границе в районе Мемеля. Оценивая силы Кутепова, Людендорф разумно полагал, что в ближайшее время на этом направлении со стороны русских не следует ожидать активных действий. Однако у командующего Северным фронтом было иное мнение.

Конечно, к полномасштабному наступлению на Восточную Пруссию Северный фронт не был готов, но провести небольшую операцию против «мемельского аппендицита» генералу Кутепову было вполне по силам.

Имея старые заготовки Генерального штаба, он в сжатые сроки сумел подготовить все необходимое к наступлению и 23 сентября штурмовал Мемель. Атака была проведена силами двух полков, днем, без предварительной артподготовки. По сигналу ракеты солдаты Новгородского и Смоленского полков неожиданно устремились в атаку на позиции врага и за короткое время полностью овладели ими. В едином порыве русские солдаты прорвали две линии обороны и к середине второго часа наступления штурмовые отряды уже ворвались в Мемель.

В это время по улицам города спокойно расхаживали офицеры, только что сытно отобедавшие в ресторанах и кафе. Они не верили собственным глазам, когда перед ними возникли цепи разгоряченных боем русских солдат, которым серьезного сопротивления оказано не было. При захвате Мемеля произошла история, ставшая знаменитой. В городе имелось прямое телеграфное сообщение со ставкой кайзера, чем не преминул воспользоваться командир новгородцев полковник Голядкин, отправив Вильгельму сообщение о взятии Мемеля. Попытка немцев вернуть город обратно не увенчалась успехом. Прикрывавший это направление корпус «Бреслау» был переброшен под Новогеоргиевскую крепость, а теми силами, что имелись в распоряжении генерала Индульфа, отбить Мемель было невозможно. Кутепов крепко вцепился в свой трофей. Поэтому Людендорфу оставалось только констатировать этот прискорбный факт в донесении кайзеру, сетуя на растянутость коммуникаций и нехватку войск, для прикрытия второстепенных участков фронта.

Неудачи фельдмаршала вновь напомнили слова его давнего завистника Макса Гофмана, что Людендорф велик только в дни побед и очень плох в дни поражений. В ответ тот отрядил говоруна в глубокий тыл и не поддержал представление Леопольда Баварского на присвоение Гофману очередного звания. Лихорадочно выравнивая фронт, Людендорф не отказался от нанесения флангового удара по врагу со стороны Пруссии, но намеревался сделать это в гораздо меньших масштабах.

Теперь главным местом удара должен был стать Новогеоргиевск. Именно здесь Людендорф собирался нанести удар, который должен был отрезать ушедшие за Вислу войска Маркова и Келлера, связанные боями под Лодзью с переброшенными туда лучшими силами рейхсвера. Фельдмаршал назначил начало операции на 1 октября, собираясь успеть до наступления осенней распутицы.

Пока в Европе лилась кровь, командующий английскими войсками в Сирии генерал Саммерс готовился исполнить планы своего правительства по разделу Турции. Англичане давно

считали Османскую империю «большим человеком», и теперь был самый подходящий момент для окончательного раздела турецкого наследства.

Британия уже полностью подмяла под себя большую часть азиатских владений Порты, включая Аравию, Месопотамию, Палестину, Ливан и Сирию. Теперь, по мнению Лондона, пришла пора прибрать к рукам Киликию и взяться за центральную Турцию, где находился мятежный генерал Кемаль-паша. Согласно прежним планам союзников по разделу Османской империи, юг Малой Азии отходил в зону влияния Италии, но ее безрадостное положение на фронте позволяло Англии не сильно считаться с мнением Рима.

Выход генерала Юденича к берегам Средиземного моря полностью спутал все карты боевых «друзей» России, и теперь между двумя главными европейскими столицами шел интенсивный передел шкуры турецкого медведя. После энергичного обмена посланиями между Лондоном и Парижем вся территория от залива Искандера до мыса Анамур отходила Франции. Земли от Анамура до мыса Гелидонья составляли зону британского влияния, а все остальное, вплоть до самого Измира, милостиво уступалось итальянцам.

Основным пунктом высадки англо-французского десанта был порт Мерсин, главные ворота Киликии. Помня свою прежнюю неудачу под Дарданеллами, англичане решили высадить сразу как можно больше сил под прикрытием пушек линкоров, а не по частям, как это было сделано при высадке десанта в Галлиполи.

Эскадру огневой поддержки составляли линкоры «Лорд Нельсон», «Агамемнон», «Лондон», «Куин», «Венерэбл» и «Бэлуорк». Для охраны транспортов были выделены броненосные крейсера «Кинг Адольф», «Левиафан» и «Дрэк», четвертый британский крейсер «Гуд Хоуп» недавно подорвался на германской мине у берегов Кипра и затонул. Кроме этих крейсеров адмирал Майлз приказал выйти в море легким крейсерам «Эдгар», «Кресси», «Гибралтар», «Ливерпуль» и «Фальмут». Высадка союзных войск была назначена на 14 сентября.

Всего для киликийского десанта английское командование смогло выделить чуть больше двух дивизий пехоты при поддержке нескольких артбатерей. В основном это были сборные дивизии, состоящие из австралийцев, новозеландцев, южноафриканцев и двух рот сикхов. Больше, учитывая положение на Западном фронте, выделить союзники не могли. Собирая силы вторжения, Саммерс очень хотел усилить их египтянами, но наткнулся на скрытое противодействие Каира, и вопрос об отправке александрийского гарнизона остался открытым.

Подготовка к высадке проводилась в обстановке полной секретности, но как это бывает на арабском востоке, англичане еще не погрузились на пароходы, а александрийский базар уже доподлинно знал, куда они держат путь. Потому появление британских кораблей не стало большим сюрпризом как для жителей Мерсина, так и для двух германских подлодок, продолжавших воевать в водах Средиземного моря.

Базируясь в Анталье, они нападали на одиночные корабли союзников и выставляли мины на транспортных путях противника. Сюда же, по распоряжению Кемаль-паши, по железной дороге была переброшена из Измира немецкая база со всеми запасами вооружения.

Командир маленького отряда корветтен-капитан Готлиб Блосх строго распределил все вооружение среди экипажей подлодок, собираясь отправиться в Адриатику согласно полученному приказу из Берлина. Но уходить просто так немецкий подводник считал ниже своей чести и достоинства. Вначале он хотел атаковать русскую эскадру в Александретте, но, узнав от агентов о том, как строго охраняют русские входы в акваторию порта, Блосх был вынужден отказаться от этой идеи.

Когда пришло известие о высадке союзного десанта, немецкий моряк узрел свой шанс и сразу перевел свои корабли в Мерсин. Вслед за ними в Мерсин отправилось несколько рыбацких баркасов, основательно нагруженных минами и торпедами, из числа тех, что не смогли взять на борт германские подлодки.

Было около девяти часов утра, когда английская эскадра появилась перед взорами жителей Мерсин и сразу же обрушила на город свои снаряды. Находясь вне предела ответного огня орудий турецких батарей, английские линкоры неторопливо опустошали свои доверху набитые погреба.

По сути дела, данный обстрел для морских гигантов был чистым развлечением, и поэтому часть британских матросов столпились на верхних палубах линкоров, наблюдая за результатами стрельбы. Каждое удачное попадание корабельного орудия вызывало взрыв радостных криков и оваций зрителей.

Дав линкорам возможность выпустить полсотни снарядов главного калибра, адмирал Майлз решил, что преподал туркам хороший урок, и начал высадку десанта, под прикрытием броненосных крейсеров во главе с «Кингом Альфредом».

Казалось, ничего не предвещает особой беды, поскольку восьмидюймовые пушки крейсеров могли легко уничтожить все то, что уцелело после обстрела линкоров и пожелало бы помешать планам великой Британии. Напуганные ужасным огнем линкоров турецкие канониры в страхе бежали со своих батарей, торопясь спрятаться от гнева свирепых гяуров. Казалось, что корабли адмирала Майлза уже сделали свое главное дело, но это только казалось, так как в этот момент в бой вступала маленькая, но очень гордая часть кайзерлих-марине, намереваясь преподать англичанам урок минного искусства.

Британский караван тремя колоннами неторопливо входил в акваторию Мерсин. В центре находились транспорты с солдатами, а по бокам шли броненосные и легкие крейсера. Берег молча встречал незваных гостей, обильно дымя черными клубами пожарищ, которые некому было тушить. Грозные крейсера короля Георга хищно оцетинились жерлами пушек, готовые в любой момент обрушить на берег море огня и тонны стали.

Все было тихо, но неожиданно мощный взрыв подбросил вверх корпус «Кинга Альфреда», наскочившего на немецкую минную банку, выставленную корветтен-капитаном Блосхом. Он с огромным волнением наблюдал за британскими крейсерами в перископ своей подлодки, рьяно моля Бога, чтобы враг угодил в его ловушку. Громкий торжествующий крик буквально сотряс тесные отсеки подлодки, когда стал слышен звук взрыва, и с центрального поста объявили, что британский крейсер начал тонуть.

«Кинг Альфред» стал быстро зарываться носом в воду, и одного взгляда было достаточно, чтобы понять, что корабль обречен. Крейсер еще стопорил ход, пытался выровнять свое положение, но стремительно поступающая в поврежденные взрывом носовые отсеки вода делала свое черное дело. Нос корабля с каждой минутой все быстрее и быстрее проседал в море, и вскоре крейсерский флагман стал уходить под воду. С его бортов, словно горох из переспелого стручка, посыпались в воду английские моряки, стремящиеся как можно дальше отплыть от гибнущего судна.

Следует отдать должное британским морякам, они сразу прекратили движение транспортов, опасаясь за их целостность. Шедший за «Альфредом» «Левиафан» осторожно приблизился к месту трагедии и спустил с обоих бортов шлюпки, для спасения тонущих моряков. Занятые спасением своих товарищей с «Кинга Альфреда» моряки «Левиафана» проглядели появление подлодки Блосха. Она сумела незаметно приблизиться к крейсеру и произвести залп двумя торпедами.

Выброшенные мощной силой из аппаратов, подобно громадным острым кинжалам, полетели они к бортам крейсера, рассекая белыми бурунами темную гладь моря. Наблюдатели слишком поздно заметили приближавшуюся к ним опасность, и у «Левиафана» оказалось очень мало времени, чтобы провести маневр уклонения от торпед.

Два сильных взрыва пробиты левый борт крейсера, вынося крейсеру смертельный приговор. Подобно своему товарищу по несчастью, «Левиафан» стал погружаться в воду развороченным бортом, с той лишь разницей, что делал это не столь быстро, как «Альфред». Этот

фактор позволил англичанам выровнять опасный крен, однако положение корабля оставалось очень опасным.

Единственным спасением для крейсера в этой ситуации было немедленное выбрасывание на берег, что командир «Левиафана» капитан Гуд и сделал. Презрев опасность наскочить на мины, он твердой рукой направил свой корабль на мелководье. Соревнуясь в гонке со смертью, он упрямо вел тонущий корабль к спасительному берегу и сумел вырвать победу в этой схватке за жизнь. У самого берега крен «Левиафана» вновь стал увеличиваться, но к огромной радости экипажа, днище корабля коснулось дна, и крейсер плотно сел на мель.

Тем временем боевые действия на воде продолжались. Как только присутствие коварного врага в бухте было обнаружено, по его предполагаемому местонахождению был открыт шквальный огонь, как со стороны линкоров, так и со стороны отряда легких крейсеров. Морская вода буквально вскипела от множества разрывов снарядов, но корветтен-капитана там уже не было. Сразу после залпа его лодка стремительно погрузилась в глубину, направляясь в открытое море, держа курс на Анталю.

Судьба второй субмарины кайзерлих-марине под командованием Рудольфа Мейзингера была более трагична, хотя не менее героическая. Предоставив Блосху возможность охоты на крейсера эскадры, сам Мейзингер стал подбираться к самой лакомой добыче любого подводника, вражеским линкором. Целью его атаки стал линкор «Венерэбл», к которому немецкая подлодка подошла по всем канонам подводной атаки.

Подняв перископ и определив расстояние до противника, Мейзингер отдал приказ на атаку. С завораживающей легкостью устремились массивные тела двух торпед к «Венерэблу» и вскоре поразили огромный неповоротливый корпус корабля. Их взрывы вызвали сильные течи в районе первого и третьего кочегарных отсеков и оказались очень опасны для линкора. От попадания на раскаленные котлы холодной воды в третьем кочегарном отсеке произошел мощный взрыв, основательно повредивший корабль. Линкор стал быстро наполняться водой, и, опасаясь за остойчивость судна, британцы затопили отсеки противоположного борта. Эти действия ликвидировали угрозу крена корабля, но напуганный возможностью новой атаки, капитан «Венерэбла» решил приткнуться к берегу подобно «Левиафану».

Насколько правомерен был этот шаг, трудно сказать, но, повинаясь приказу капитана, линкор устремился к спасительному, по его мнению, берегу. Однако, не пройдя и полкабельтова, корабль налетел на второй минный букет немцев, что предопределило судьбу «Венерэбл». От взрыва мины произошла детонация снарядов носовой башни, и линкор быстро затонул, не дойдя до мелководья всего ничего. Морские волны полностью скрыли орудийные башни корабля, оставив торчать над водой верхушки труб и мачт.

Победа немецких подводников была блестящей, но сам Мейзингер не успел вкушать плоды триумфа. Бурун поднятого перископа полностью выдал нахождение германской подлодки, и это место было немедленно обстреляно крейсером «Дрэк», шедшим вслед за линкором. Один из снарядов, выпущенный носовой башней корабля, поразил рубку подлодки, и она моментально затонула. Всплывшие на поверхность обломки шпангоутов и разноцветные пятна солянки вырвали из груди британских моряков крики радости и торжества над поверженным противником.

Однако полностью утолить всю свою злобу и горечь от понесенных потерь вид погибшей подлодки британцев никак не мог, и поэтому, посчитав противника полностью уничтоженным, они выместили все на мирном городе, забросав Мерсин снарядами. С грохотом и завыванием устремился разнокалиберный рой к сжавшемуся от страха городу. Некоторые из снарядов падали в море, другие перелетом уносились в сторону гор, но большая часть бомб с инквизиторским упорством гвоздила глинобитные строения «ворот Киликии», вызывая сильные пожары и разрушения.

Когда чувство мести приутихло, Майлз решил приступить к тому, ради чего они сюда и явились, высадке десанта. Вызванные адмиралом из Латакии английские тральщики после гибели «Альфреда» и «Венерэбла» должны были прибыть только к вечеру, что крайне не устраивало Майлза. Поэтому адмирал пошел на риск. Видя, что «Левиафан» беспрепятственно достиг берега, британский адмирал приказал «Эдгару» провести транспорты, ориентируясь на приткнувшийся к берегу крейсер. «Эдгар» с честью выполнил это задание, и через полчаса тревожного ожидания истомившийся десант уже покидал трюмы пароходов.

Киликийцы не оказали никакого сопротивления, только забившись по щелям, с угрюмой злобой наблюдая за прибывшими с моря цивилизаторами, чьи зеленые колонны пехоты немедленно потянулись в сторону гор, где затем был разбит полевой лагерь экспедиционного корпуса. Помня уроки Дарданелл, англичане стремились как можно дальше продвинуться вглубь прибрежной территории, заняв ключевые места вокруг города, на случай появления войск мятежного Кемаль-паши.

В Лондон полетели сообщения об удачной высадке, но глухо упоминалось о понесенных флотом потерях. Реакция адмиралтейства не заставила себя ждать, адмиралу Майлзу было предложено сдать командование над эскадрой контр-адмиралу Лоренсу, а самому прибыть на Мальту, для принятия командования над кораблями Ла-Валетты.

Заняв Мерсин, генерал Саммерс позволил солдатам ровно одни сутки отдыха, за которые британцы полностью выгрузили с транспортов всю свою амуницию и припасы. На обратном пути один из пустых транспортов подорвался на последней, третьей минной банке, выставленной Блосхом на подходе к Мерсину. Прибывшие в порт британские тральщики с остервенением утюжили всю прибрежную акваторию, но ничего более не обнаружили.

Неприятные сюрпризы продолжили преследовать британцев и на суше. Стремясь как можно скорее перейти через вершины Тавра и оказаться во внутренних районах Турции, генерал Саммерс энергично подгонял своих солдат, неустанно приказывая им быстрее двигаться вперед. На второй день пути британские войска приблизились к Тарсу, сдавшемуся им без боя.

Эта покорность несколько усыпила бдительность английского генерала, посчитавшего, что турки сильно напуганы бомбардировкой Мерсина и серьезного сопротивления в ближайшее время не предвидится. Видя покорность жителей Тарса, британцы моментально налились спесью и стали командовать, словно город уже был их колонией. Ошибочность подобного предположения была доказана через день, когда, оставив в Тарсе небольшой гарнизон, сыны Альбиона вышли к Киликийским воротам. Это был южный перевал Аманских гор, надежно закрывавших земли Каппадокии от осенних морских ветров.

Убаюканный смирением генерал Саммерс ограничился высылкой вперед малой разведки, которая донесла генералу, что перевалы свободны и противника нет. Узнав об этом, британцы двинулись вперед быстрым маршем, намереваясь занять перевал еще до вечера.

Впереди колонны двигался батальон австралийцев, которые особо отличились при взятии Хайфы и Дамаска. Они лучше всех из солдат Саммерса переносили жару и духоту Азии, и поэтому британец определил их в авангард своих войск. Правда, даже для австралийцев столь длительный переход от Тарса до перевала оказался утомительным занятием. С трудом передвигая натруженные за день ноги, посылая на голову начальства глухие проклятья, они приблизились к горам.

Не выставляя боевого охранения, двигаясь в походном положении, австралийцы медленно поднимались к горным вершинам перевала. Первая рота уже втянулась в проход, когда затаившиеся в засаде турки с двух сторон напали на них. Гулко застучали пулеметы, затрещали оружейные залпы и на голову пришельцев обрушились гранаты вместе с каменными глыбами, заранее приготовленные солдатами мятежного паши. Бросившиеся на выручку попавшим в засаду товарищам две другие роты были остановлены плотным пулеметным огнем, который заставил их залечь за камни или трусливо отступить.

Пока немецкие инструкторы-пулеметчики сдерживали продвижение британских войск, турки усердно добивали гранатами и залпами из винтовок остатки первой роты. Уцелевшие от вражеских гранат и камнепада австралийцы залегли и принялись упорно отстреливаться. Однако, несмотря на свою храбрость, они были обречены. Не имевшие опыта ведения боя в горах, они стали легкой добычей турецких стрелков, быстро и сноровисто уничтоживших их.

Один за другим падали на горные камни британские солдаты, так и не успев отомстить врагам за себя и своих товарищей. Вскоре потери среди австралийцев стали столь велики, что они, не дожидаясь приказа офицеров, стали быстро отступать на соединение с главными силами экспедиции. Всего из горной ловушки удалось выбраться двенадцати человекам, большая часть которых имели ранения.

Разгневанный столь подлой гибелью своих подчиненных, генерал Саммерс решил жестоко наказать коварного противника с помощью своей артиллерии. Утром следующего дня британцы открыли шквальный огонь по позициям турок, откуда они вчера безнаказанно расстреливали австралийцев.

Орудийные снаряды в течение часа падали на горную грядку, неумоимо взметая в небо столбы песка и камня. Канониры аккуратно били по всем ранее выявленным целям, стремясь подчистую вымести огненной метлой всех врагов, прятавшихся между серых камней. Казалось, что ничто живое не способно уцелеть под мощными ударами фугасных снарядов, основательно перепавших горные склоны. Саммерс остался доволен работой своих артиллеристов и величественно махнул рукой горнисту, чья звонкая труба известила изготовившихся солдат о начале атаки.

В этот раз они двигались всей огромной зеленой массой, стремясь разом опрокинуть и подавить любое сопротивление уцелевшего врага. Робкие одиночные выстрелы, раздававшиеся с горных склонов перевала, немедленно получали в ответ многоголосый залп из солдатских винтовок, который либо уничтожал вражеского стрелка, либо заставлял его испуганно прятаться. Голова колонны уверенно втягивалась в горловину перевала, когда неожиданно ожили, казалось бы, подавленные пулеметные точки.

Как оказалось, немецкие стрелки заранее покинули свои места и благополучно отсиделись в небольших пещерах неподалеку, чьи каменные своды надежно укрывали их от вражеских снарядов. Теперь же огнем своих ручных пулеметов они принялись яростно сводить старые счеты с солдатами его величества. Идущие впереди пехотинцы моментально залегли, стараясь связать пулеметчиков ответным огнем, тогда как другие устремились в атаку. Разбившись на цепочки, британцы стали перебегать от одного места к другому, стремясь побыстрее достичь каменной гряды и разделаться с проклятыми стрелками.

Наблюдая за боем со стороны, Саммерс уже собирался отдать приказ о повторном подавлении пулеметов врага, когда среди наступающих цепей взорвался артиллерийский снаряд, затем другой, третий. Вначале генерал решил, что это кто-то из своих канониров случайно выстрелил по своим товарищам, но одного гневного взгляда в сторону батарей было достаточно, чтобы понять, пушечный огонь ведет противник.

Шестидюймовые пушки, подтянутые ночью турками, легко сорвали британскую атаку. Огонь из четырех орудий полностью простреливал всю горловину горного прохода, делая его труднопроходимым для армии Саммерса. Едва только на пехотные цепи англичан упали первые снаряды, как они дружно стали падать на землю и залегать за любой камень или бугорок.

– Вперед, вперед! – кричали офицеры, стараясь поднять солдат и как можно быстрее проскочить опасный участок пути и ударить по вражеским стрелкам.

Два взвода австралийцев, презрев грохочущую опасность, сумели проскочить простреливаемое пространство и ринулись на засевших на каменных склонах турков. Следуя их примеру, стали подниматься и другие солдаты, но в это время застучали пулеметы. Предвидя воз-

возможность прорыва, немецкие инструкторы стянули сюда большое количество своих пулеметов, которые ликвидировали опасный прорыв.

Видя напрасную смерть своих солдат, Саммерс приказал дать белую ракету, сигнал отхода. Потери британцев были ужасающими, шестьдесят девять человек было убито и свыше ста пятидесяти ранено или пропало без вести. Контрбатареинная дуэль, предпринятая англичанами сразу после отхода солдат, ничего не дала. Пушки Саммерса били наугад по площадям и без всякого результата. Это подтверждали ответные выстрелы со стороны противника, которые благодаря своим корректировщикам огня били точно и слаженно всякий раз, как только британские отряды приближались к проходу.

К концу дня генерал Саммерс был в ярости от столь неприятного конфуза. Его армия несла большие потери, при полном отсутствии какого-либо результата. Безрадостное положение британцев спасли сикхи, которые входили в состав армии Саммерса. Все они выросли в горах и могли быстро и незаметно передвигаться в горной местности, в отличие от остальных британских солдат.

Темной ночью они смогли скрытно подобраться к турецким часовым и напасть на них. Один из турков успел вскрикнуть, прежде чем кривой кинжал сикха оборвал его жизнь. Всполошившиеся немцы спешно открыли стрельбу по врагу, но было уже поздно. Многие из индийцев погибли под смертельным огнем врага, но уцелевшие сикхи смогли забросать пулеметные гнезда врага ручными гранатами, а затем добить уцелевших штыками и кинжалами.

Едва только раздалась взрывы гранат и пулеметные очереди, британцы немедленно устремились в новую атаку. Спотыкаясь в темноте об острые камни горной дороги, на этот раз они смогли пройти опасное место и выйти на горный склон перевала. Охранявшие проход турки в панике бежали, без боя уступив противнику столь важную позицию.

Обрадованные успехом англичане попытались развить успех, но тут же потерпели фиаско. По спускающимся солдатам неожиданно сбоку ударили два пулемета, которые поддерживали винтовочные залпы опомнившихся турок. Вскоре к ним присоединились пушки, которые стали бить по гребню перевала, четко вырисованному на ночном небе при свете луны. Получив отпор, англичане отвели солдат, оставив на перевале только наблюдателей.

Когда взошло солнце, Саммерс увидел, что противник в полном порядке отступил в глубь страны. Такое быстрое и умелое отступление врага навяло британскому генералу неприятное предчувствие. Что, впрочем, не помешало ему отправить в Лондон победную реляцию об одержанном успехе. Так начиналась борьба за покорение последнего оплота некогда блистательной Османской империи.

Оперативные документы

Из письма вице-короля Индии лорда Чемсфилда премьер-министру Ллойд-Джорджу от 25 сентября 1918 года

Дорогой сэръ! С прискорбием извещаю вас, господин премьер-министр, о трагической гибели нашей миссии в Кабуле, принявшей мученическую смерть от рук религиозных фанатиков.

По словам чудом спасшегося от ужасной смерти садовника миссии мистера Мортимера, здание миссии подверглось нападению афганской черни утром 23 сентября, которой руководили кабульские муллы и улемы. Несмотря на мужественное сопротивление солдат охраны нашей миссии, открывших огонь по толпе нападавших, афганцы все же смогли прорваться на британскую территорию и стали избивать наших соотечественников.

Возбужденная пролитой кровью и осознанием вседозволенности взбунтовавшаяся чернь принялась убивать всех подряд, невзирая на пол и возраст. Сам мистер Мортимер сумел спа-

стись бегством, переодевшись в мусульманскую женскую одежду. Хорошо зная город, он смог покинуть мятежный Кабул и, достав лошадь, благополучно вышел к нашим пограничным постам в районе Джелалабада.

Узнав об уничтожении миссии, я отдал приказ о направлении к границе частей армии генерала Ридженса, с целью наведения порядка в Кабуле и проведения надлежащего возмездия. Все виновные в этом ужасном преступлении и в первую очередь Аманулла-хан подлежат аресту и передаче особому трибуналу. Все, кто окажет сопротивление действиям британских войск, будут уничтожены согласно законам военного времени.

Вице-король Индии лорд Чемсфилд

Секретная телеграмма из Ташкента от спецпредставителя по особым поручениям поручика Вяземского в Ставку Верховного Главнокомандующего генералу Духонину от 30 сентября 1918 года

Согласно последним сведениям, поступившим из Андижана, экспедиция господина Рериха благополучно пересекла Ферганские горы и добралась до Кашгара, где и находится в настоящее время, готовится к переходу в направлении Яркенда. Среди членов экспедиции больных и отставших нет. Все идет согласно первоначальному плану.

Поручик Вяземский

Из секретного меморандума гросс-адмирала Шеера, направленного кайзеру Вильгельму от 23 сентября 1918 года

...Оценивая положение дел нашего флота после последних неудач на Балтике, считаю необходимым временно отказаться от борьбы на два фронта и сосредоточить все усилия против британского флота, чьи главные силы на данный момент базируются в Скапа-Флоу, на севере Шотландии.

Оценивая возможность нападения нашего флота на британские корабли в Скапа-Флоу, офицеры моего штаба прогнозируют большие потери среди наших судов, как от огня вражеских линкоров и крейсеров, так и многочисленных минных полей, прикрывающих подступы к вражеской стоянке. Кроме этого, подходы к Скапа-Флоу постоянно патрулируются большим числом миноносцев и подводных лодок, что сводит к нулю результативность нашего удара.

Единственным способом одержания полной победы над врагом, по моему твердому убеждению, является поддержка наших кораблей во время проведения нападения на Скапа-Флоу всеми дирижаблями отряда генерала Берга...

Резолюция Вильгельма: *Полностью согласен.*

Секретная телеграмма от премьер-министра Ллойд-Джорджа британскому представителю в штабе союзных сил Уинстону Черчиллю от 21 сентября 1918 года

Срочно приступайте к проведению операции «Возмездие».
Премьер-министр Ллойд-Джордж

Глава IV

Некоторые неизвестные сложного уравнения

В конце сентября в Шарлоттенбурге уже было по-осеннему довольно прохладно, и в камине кайзера весело потрескивали аккуратно колотые поленья. Любое возвращение холода кайзер Вильгельм воспринимал очень болезненно и потому требовал у прислуги хорошо протопить свой кабинет, прежде чем начинать прием докладов. Нынешним первым посетителем был фельдмаршал Людендорф, которого кайзер специально вызвал к себе без Гинденбурга, не желая слушать его нудное старческое кудахтанье. И пусть для всей Германии он по-прежнему оставался героем нации, спасший страну в августе 1914 года от орд русских варваров, единственным военным, способным спасти фатерлянд от позорного поражения в этой войне, по твердому убеждению Вильгельма, являлся Людендорф.

– Начните свой доклад с положения на Западном фронте, Эрих, – произнес кайзер, держа в руке оловянный солдатский стакан с горячим грогом, – на данный момент он важнее всех остальных фронтов.

– Сейчас каждый фронт по-своему важен для нас, ваше величество, – не согласился с мнением кайзера Людендорф, но тем не менее послушно вытащил из общей стопки карту Западного фронта. – На сегодняшний момент здесь нет ничего угрожающего для нас. С большими для себя потерями дивизии противника прорвали «линию Зигфрида» и благополучно уперлись лбом в укрепления «линии Гинденбурга». Без дополнительных дивизий и большого количества танков в ближайшие недели они не смогут начать нового штурма наших укреплений. Я не исключаю такого варианта, что союзное командование попытается продолжить свое наступление, делая ставку на недавно прибывшие во Францию американские части, а также на те танки, которые французские заводы ударными темпами выпускают каждый месяц. По данным разведки, они уже начали появляться в районе Камбре и долины Уазы. Скорее всего, именно здесь Фош и попытается прорвать наши позиции.

– И как вы оцениваете их силу, возможные сроки начала наступления и шансы на успех? – спросил Вильгельм, внимательно рассматривая красно-синюю черту, пересекающую карту сверху донизу.

– Учитывая серьезное внутреннее положение Англии, о котором говорят доклады полковника Николаи, противник обязательно предпримет попытку нового наступления, до наступления осенних дождей. Недовольство британцев, вызванное налетами дирижаблей Берга, хотя и погашено успехами на фронте, но это, как вы понимаете, временное затишье. Еще один хороший удар по мирным городам острова, нанесенный нашими авиаторами, и население Англии взорвется. Это понимаем мы, это понимает Фош, и поэтому наступление противника в октябре неизбежно.

– Выдержат ли этот удар наши армии?

– Учитывая усталость наших солдат и снижение штатной численности наших дивизий, я не исключаю возможности прорыва противником нашей линии обороны. Мне это неприятно говорить вам, но я реалист. Французы непрерывно выпускают большое количество танков, видя в них оружие, с помощью которого намерены одержать победу. Мы же можем противопоставить их бронированным чудовищам только несколько десятков своих танков, а также трофейные машины самого противника. Кроме этого, в наших артиллерийских полках и батареях проявляется нехватка снарядов, подобно тому, как это было у русских в пятнадцатом году. Согласно докладу Лансдорфа, наши заводы уже с сентября начали потреблять неприкосновенный запас металла, которого в рейхе осталось всего на три месяца. Как уверяет меня Лансдорф, в декабре встанет половина наших военных заводов, другая половина в январе. Для избежания

этого мы вынуждены сократить выпуск снарядов на одну треть, а мин вполовину. Именно эти факты не позволяют заявить, что «линия Гинденбурга» неприступна.

От этих слов у кайзера начали угрожающе ползти вверх его знаменитые усы, но правитель Второго рейха не позволил себе перебить фельдмаршала гневным упреком, уже готовым слететь с его уст. Вместо этого он стоически одернул свой мундир и продолжил слушать доклад Людендорфа.

– Однако это только обратная сторона медали. Не все так плохо, как может показаться на первый взгляд. При всех перечисленных мною недостатках боеспособность наших солдат остается высокой. Они продолжают твердо верить в победу над врагом, которое им обеспечит их мужество и новое чудо-оружие, о котором столь много говорит министерство пропаганды господина Фрича. В этом меня убедил недавний доклад кронпринца, специально объехавшего несколько фронтовых частей, стоящих на «линии Гинденбурга». Подопечные господина Фрича хорошо выполняют свою работу как на передовой, так и в тылу. Поэтому я уверен, что даже в случае прорыва фронта враг не сможет развить свое наступление, и все его действия сведутся к вытеснению наших войск на третью линию нашей стратегической обороны, «линию Вильгельма».

Рука Людендорфа эффектно очертила дугу на карте, оставляя за германскими частями значительную часть Бельгии и немного французской территории.

– Как видите, у нас еще есть много места для развертывания четвертой линии обороны, кроме уже имеющихся в нашем распоряжении приграничных крепостей и укреплений на Рейне.

– Вы не исключаете и такой возможности, Эрих? – озабоченно спросил кайзер.

– Согласно своей профессии, я обязан рассматривать любую возможность, ваше величество. Но сведения, поступающие к нам из Америки, позволяют надеяться на скорое сворачивание переброски американских частей в Европу, а без них противнику будет нечем наступать.

– Да, я уже читал доклад нашего мексиканского посла о беспорядках на американской границе. Господин Парвус всегда хорошо ведет свои дела, – радостно бросил кайзер и спешно налил в свой стакан новую порцию горячительного напитка.

– Если дела там пойдут успешно, то на дальнейших наступлениях противника на Западном фронте в этом году можно будет смело ставить жирный крест. Скорая зима и дефицит людских ресурсов не позволят Фошу кардинально переломить ситуацию в свою пользу, что дает нам шанс для заключения сепаратного мира с Антантой. Надо только непрерывно давить на Британию, и она треснет, как гнилой орех. Это вам не русские фанатики, готовые упрямо биться до конца. Это цивилизованные европейцы, всегда знающие свою выгоду и очень дорожащие собственной шкурой.

– Значит, наша задача – выиграть время и выбить Англию из Антанты, – сказал кайзер, настроение которого разом улучшилось, как от слов Людендорфа, так и от грога, – а это вполне возможно, поскольку у британцев нет постоянных друзей и союзников, а есть только постоянные интересы.

– Вы совершенно правы, – поддержал Вильгельма Людендорф, – Англия, на мой взгляд, из всех союзников наиболее перспективный кандидат для ведения сепаратных переговоров о мире. Ее надо только основательно всколыхнуть.

– Это хорошо, а что у нас с Восточным фронтом? – поинтересовался кайзер. – Когда вы погоните армии Корнилова вспять от наших границ?

Людендорф проворно расстелил новый лист перед глазами монарха.

– Здесь мы несколько ошиблись в оценке действий противника и сроках его предполагаемого наступления. Вместо ожидаемого удара в направлении Кенигсберга русские, несколько не заботясь о своем правом фланге, продолжили свое наступление на запад и взяли Варшаву. Далее продвижение противника было прочно остановлено на подступах к Лодзи переброшен-

ными мною резервами. В ответ на столь опрометчивый ход противника мы начали свое наступление, нанося силами пяти дивизий удар по флангу русских армий в районе Мазурских озер под Сольдау. Сейчас там идет штурм передовой линии обороны противника, и во многих местах нам сопутствует успех. Это не ландвер, который русские смогли опрокинуть под Варшавой, а лучшие фронтовые части, переброшенные с Западного фронта.

– Пять дивизий, этого будет достаточно для прорыва русских позиций? – осторожно осведомился Вильгельм. – Может, стоит усилить наш ударный кулак?

– Я бы с радостью усилил его двумя-тремя дивизиями, но не могу сделать этого. Главные русские силы в лице двух конных корпусов стоят против Лодзи и, по всей видимости, собираются нанести в преддверье зимы новый удар в направлении Силезии и Познани. Кроме этого, следует ожидать удар русских через Новогеоргиевск на Кульм и Грауденц, с целью отрезать Восточную Пруссию от Западной Пруссии и Померании. В направлении нашего удара нет конных соединений, с помощью которых русские одерживают свои последние победы. Здесь только одни пехотные части армии Миллера, основательно потрепанные в предыдущих боях. Правда, согласно данным разведки, в дивизиях Миллера шло энергичное пополнение штатного состава, но полностью обновить их русские не успели.

– А вы не опасаетесь встречного удара от Миллера или флангового от войск Кутепова, там тоже есть конные части?

– Да, у Кутепова есть конные соединения барона Унгера, но они полностью лишены огневой поддержки пулеметов и артиллерии, как армии Краснова, Крымова и прочих русских соединений, без которых прорыв наших позиций под Гумбинненом невозможен. Что касается встречного удара со стороны Миллера, то это будет только нам на руку. Русские обескровят свои войска в прогрызании наших позиций, чем облегчат нам задачу по их дальнейшему разгрому.

Вильгельм понимающе кивнул головой собеседнику, и тот продолжил свой доклад:

– К большому сожалению, мы не можем организовать подобный удар по левому флангу противника, как это было три года назад, но даже это одиночное наступление изменит положение на Восточном фронте самым решительным образом. Я полностью уверен, что в течение недели наши солдаты полностью прорвут фронт русских и вновь погонят их на восток.

Говоря это, Людендорф поднял глаза на кайзера и, к удивлению, увидел в них не привычный восторг и умиление от блистательных планов фельдмаршала, а сомнение и прагматический подход человека, проводящего сложный расчет.

– Скажите, Эрих, а что будет, если, не дай бог конечно, русские не только выстоят под нашим напором, но даже отбросят моих солдат к морю? Я спрашиваю не потому, что сомневаюсь в храбрости и умении своих молодцов, но исходя из возможности превратности военной фортуны.

Ни один мускул не дрогнул на лице фельдмаршала, он спокойно снес скрытый упрек в своих прежних неудачах.

– Кенигсберг очень сильная крепость, государь, для взятия которой противник должен будет приложить большие усилия. Даже если русские выдержат наш удар, у них не хватит сил для занятия всей Пруссии, прилегающей к Данцигской бухте. Войска их фронтов в течение трех месяцев ведут непрерывные бои, продвигаясь на запад, неся при этом потери, испытывая затруднения с подвозом пополнения и снабжением войск. Всему есть предел, и силе русского наступления тоже.

– Я полностью с вами согласен, но в последнее время мне все чаще и чаще приходят на ум слова короля Фридриха, что русского солдата мало убить, его еще надо повалить на землю. Это совершенно дикие люди, начисто лишённые страха смерти и инстинкта самосохранения.

– Не беспокойтесь, государь, я уже бил этих варваров в начале войны, обращая их дивизии в толпы послушных пленных, разобью и сейчас, когда для рейха как никогда нужна победа над этими дикарями.

– Искренне верю в это и очень желаю скорейшего успеха вашим солдатам, господин фельдмаршал. А как дела у нашего союзника императора Карла?

Людендорф моментально выдернул нужную карту поверх прежних листов, представив глазам кайзера унылый вид трех фронтов Австрийской империи.

– Сегодняшнее положение австрийцев, особенно после выхода из войны Болгарии, отнюдь не блестящее, государь. Армия Слащева уверенно движется к Белграду, который австрийцы, скорее всего, не смогут удержать. Но нет худа без добра. Согласно последним сообщениям с Балкан, в стане союзников произошел раскол. После капитуляции Софии Греция и Англия вывели свои дивизии из подчинения Слащева и начали переброску своих частей на остров Лемнос и на турецкое побережье в районе Измира. Очевидно, господа союзники приступили к активному дележу земель Оттоманской империи, полностью устранившись от дел на Балканах. Французы также приостановили свое наступление в Черногории, ограничившись занятием Цетинье, и, по данным разведки, не прочь поучаствовать в пиру победителей турецкого султана, решив занять Ликию, до которой у итальянцев никак не доходят руки.

В этих условиях о дальнейшем продвижении в глубь Австрийской империи армии Слащева уже не может быть и речи. Довольствуясь Болгарией и частью Сербии, он, скорее всего, будет активно теснить австрийские войска и армию Макензена в Трансильвании, но не более того. На итальянском фронте австрийцы сумели остановить прорыв противника, который достался ему очень дорогой ценой. Штрауссенбург уверяет, что итальянцы полностью вымотались и уже не способны к новому наступлению. Все это, по моему мнению, позволит императору Карлу благополучно продержаться до декабря, когда мы сможем заключить с Антантой сепаратный мир.

– А что вы скажете о русских частях, перешедших через карпатские перевалы. Они не создадут угрозы для австрийской армии в ближайшее время?

– Нет, государь. Русские смогли взять только один из нескольких горных проходов, что очень затрудняет их дальнейшее движение вперед. К тому же в Карпатах уже начался сезон осенних дождей, что только на руку нам.

Вильгельм еще раз окинул взором лежащую на столе карту, энергично одернув на себе мундир. Уверенный доклад Людендорфа и большое количество грога значительно улучшили настроение кайзера.

– Спасибо, господин фельдмаршал. Теперь я намного лучше представляю положение наших дел, чем просто читая фронтовые сводки, переданные мне Генштабом. У меня тоже есть для вас хорошее известие. Наш гений профессор Тотенкопф известил меня, что работа над новым дирижаблем, способным перелетать на длинные расстояния с большой нагрузкой, полностью завершена. Согласно заверениям профессора, мы в самое ближайшее время сможем нанести удар по столице Америки. Если это случится, то мы получим очень сильный козырь в переговорах с Антантой о заключении мира.

– Несомненно, налет на Вашингтон заставит союзников быть поговорчивее с нами в плане заключения мира, – поддакнул кайзеру Людендорф, действительно обрадованный известием.

– Кроме этого, – продолжил кайзер, – налет на Америку вызовет новый подъем веры в благополучный исход войны в душах нашего народа. Я уже отдал приказ Фриче о подготовке нескольких статей, посвященных новому чудо-оружию германской нации. Все детали предстоящей операции, конечно, будут тщательно скрыты, но вот обещание скорой наглядной демонстрации его на страницах наших газет будет сильным ходом.

Представляете, Эрих, мы громогласно заранее объявляем, что в такой-то день и час Америке постигнет заслуженная кара за ее помощь Антанте в войне с нами. Все это передается по радио открытым текстом всем странам, и вот в назначенное время это свершается. Американцы будут в шоке от случившегося и осознания своей полной беспомощности перед нашей силой. Затем мы делаем еще одно предупреждение, и вот новый удар в назначенный час. После этого налета они уже будут склонны верить во что угодно, даже если в своем новом заявлении мы скажем о том, что можем высадить целый полк наших солдат на их континент. Каково, а?! – возбужденно спросил Вильгельм своего собеседника, радостно потирая руки.

– Вы прирожденный стратег, государь. Такого еще не было в мировой истории до вас, не будет и после.

– Я знаю это, но вся моя энергия и умение направлены на служение моему народу и рейху, – пафосно произнес Вильгельм, чьи глаза азартно блестели в нетерпеливом ожидании скорых событий.

За окном резиденции кайзера уже во всей своей красе стояла осень, а вершители судеб Второго рейха явно переживали вторую весну. Полные энергии и задора, два человека энергично строили новые стратегические планы, категорически не желая смириться с мыслью о возможном своем поражении в войне.

Не менее активные события разворачивались на противоположном конце света, в Америке. Сентябрь 1918 года был особенно жарок для севера Мексики, где сошедшее на нет движение неистового мексиканского революционера Панчо Вильи обретало второе дыхание.

Изгнанный из столицы страны войсками президента Каррансы на север страны, лишенный своей многочисленной армии крестьян-пеонов, генерал Вилья находился в восточных горах Сьерра-Мадре. Пережив в тайных горных пещерах развернутую на него охоту американским генералом Першингом в отместку за набег на земли Штатов, он неоднократно пытался вернуться в большую политику, но увя. Лучшие времена крестьянского вождя безвозвратно канули в Лету.

Пережив ужасное потрясение гражданской войны 1910–1917 годов, Мексика медленно, но уверенно приходила в себя от той кровавой бойни, что происходила на ее территории все эти годы. Сотни тысяч людей погибли во взаимоистреблении под названием мексиканская революция. Когда север и юг страны были во власти восставших бедняков, а в самом Мехико генералы свергали друг друга чуть ли не каждый год, жестоко расправляясь со своим предшественником.

Сумевший удержаться в Мехико генерал Карранса провозгласил себя президентом, чью власть признали все соседи, и в первую очередь США. Умело лавируя между буржуазией, рабочими и крестьянами, Карранса ослабил армии своих главных противников Сапаты и Вильи, сведя на нет все их прежние успехи. Отрезанные друг от друга столицей, два народных генерала медленно, но неуклонно теряли свою былую популярность в народе, что сразу сказалось на притоке новобранцев в их армии.

Франциско Вилья еще держался за счет славы борца с гринго, вторгшихся на север Мексики, преследуя человека, рискнувшего напасть на американские города штата Нью-Мексико. Под командованием у крестьянского генерала еще оставалось свыше двухсот преданных ему людей, и около двух тысяч мексиканцев были готовы присоединиться к нему в случае нового похода вождя на столицу.

Оказавшись среди мексиканских «революционеров», Камо был страшно удивлен той низкой дисциплиной солдат, которых можно было называть не регулярной армией, а отрядом разбойников, какими они по своей сути в данный момент и являлись. Для завоевания авторитета среди этих отъявленных головорезов Камо пришлось продемонстрировать не только свое умение метко стрелять из пистолета и винтовки, но также способность драться, метать ножи и кое-что еще. Например, умение спокойно есть острый красный перец, которым мекси-

канцы специально угостили заезжего «гринго». Кавказец, не моргнув глазом, без всякой гримасы отвращения на лице, с честью выдержал это острое испытание, чем полностью завоевал сердца своих новых товарищей по борьбе и оружию.

Явившись к крестьянскому вождю с рекомендательным письмом от Гринберга, тайно снабжавшего в свое время армию Вильи оружием, Камо смог вдохнуть новые силы в погасшую душу мексиканского революционера. Все дело заключалось в том, что прибывший «гринго» предлагал Вилье исполнить его же планы шестнадцатого года, когда он напал на американский городок штата Нью-Мексико, под предлогом возвращения некогда отторгнутых от Мексики земель.

Конечно, Вилья не сразу поверил пламенным речам прибывшего из-за океана незнакомца, даже с письмом от Гринберга, однако две тысячи долларов, половина из которых была в благородном металлическом эквиваленте, быстро растопили лед недоверия в душе мексиканского бунтаря. И чем больше он общался с Камо, тем сильнее становилась его уверенность в возможности реализации его сокровенных планов.

Кроме роли обычного денежного мешка, желающего за свои деньги кое-что получить от повстанцев, Камо оказался еще и прекрасным организатором, которого так не хватало Вилье последние годы. Едва добившись от него понимания и согласия на начало вооруженной борьбы, кавказец незамедлительно приступил к вооружению солдат новейшими автоматическими винтовками системы Мондрагона.

Данный швейцарский изобретатель совершил прорыв в оружейном деле и перед самой войной предложил миру скорострельные винтовки. Казалось, что военные ведомства должны были немедленно встать в очередь за изобретение Мондрагона, но увы, предложенную винтовку постигла печальная участь пулемета Максима, который в свое время умные военные эксперты безжалостно забраковали, сказав, что он «слишком быстро стреляет».

Единственной страной, что проявила интерес к открытию швейцарца, была, как ни странно, Мексика, чей диктатор Порфирио Диас заказал большую партию этого скорострельного оружия перед самым своим свержением повстанцами. Казалось, у оружия Мондрагона появился отличный шанс показать себя на практике, однако неожиданно в историю вмешался человеческий фактор в лице самих мексиканцев. Солдаты и повстанцы, в руки которых попали полученные из-за океана винтовки, крайне плохо заботились о своевременной чистке своего оружия, от чего швейцарские винтовки не вынесли испытания сыростью юга и песком северных пустынь Мексики.

Полученный отрицательный результат, а также непрерывная чехарда со сменой правительства окончательно закрыли дорогу винтовкам Мондрагона на мексиканский рынок. Зависший остаток заказанной ранее правительством Порфирио Диаса партии винтовок был незаметно перекуплен немецкими агентами в Веракрусе, имевшими тайные планы подтолкнуть мексиканцев к войне с США. Они были завезены на секретные склады, но вот воспользоваться ими из-за громкого скандала, связанного с публикацией британцами секретной переписки немецкого посла с генералом Каррансой, не удалось.

Под сильным нажимом как с британской, так и американской стороны германская дипломатическая миссия была в полном составе выслана из страны, и воплощать замыслы Второго рейха в жизнь стало некому. Теперь же, с появлением на сцене такого деятельного человека, как Камо, интрига закрутилась с новой силой.

Всего в лагерь Вильи было доставлено две тысячи триста пять винтовок и около полутора тысяч находилось в арсенале крепости Сан-Фернандо, комендант которой охотно уступил их Камо, без зазрения совести списав их как утиль и при этом положив в свой карман две с половиной тысячи долларов. Кроме этих винтовок с тайных германских складов Камо досталось девять ручных пулеметов и четыре станковых, вместе с солидным запасом гранат и патронов.

Едва все это вооружение оказалось в распоряжении повстанцев, как «гринго» стал незамедлительно формировать эскадроны конных стрелков, обучая их владению оружием и прививая строгую революционную дисциплину. Действовал Камо не только словом, но часто и действием, и прошедшие сквозь смерть и кровь мексиканцы слушались его беспрекословно.

Вскоре они начали почтительно именовать чужестранца «Сеньор Колонел», что соответствовало в местной иерархии званию полковника. Данное прозвище было очень высокой оценкой заслуг Камо, учитывая, что сам Вилья носил звание генерала.

Готовясь к выступлению, бывший налетчик самым тщательным образом отбирал бойцов в ударный отряд крестьянской армии, приучая их каждый день проводить чистку полученных винтовок и не выпускать за раз всю десятизарядную обойму.

За все время своего пребывания в Мексике Камо быстро усвоил много испанских слов и к концу сентября уже мог бегло объясняться со своими новыми товарищами по оружию, часто помогая себе жестикуляцией. И только если беседа окончательно заходила в тупик, прибегал к помощи переводчика, полученного в наследство от Гринберга. Тот ранее работал в немецком посольстве.

Прослышав о появлении в стане Панчо Вильи таинственного «Сеньора Колонела», щедро платившего бойцам ударного отряда, к крестьянскому вождю потянулись новобранцы, желающие ухватить свой кусочек счастья. За считанные дни армия Вильи выросла до тысячи человек, и Камо решил устроить генеральную репетицию мексиканским всадникам революции.

Первой целью похода на американскую территорию должен был стать нью-мексиканский городок Деминг, выбранный Камо только из-за его близкого расположения к границе, а также наличия железной дороги, по которой, согласно рассказам мексиканцев, перевозились большие суммы денег из Эль-Пасо в Феникс. Вилья одобрил предложенный план, найдя в нем прекрасный повод напомнить американцам о своем существовании.

Взяв с собой половину «армии», Вилья и Камо выступили в поход. Революционные всадники беспрепятственно пересекли государственную границу, оставив далеко в стороне пограничный пункт, и углубились на американскую территорию.

Их появление в восьмитысячном городке вызвало чудовищный переполох. Свято верившие в нерушимость своих границ американские обыватели в страхе попрятались в своих домах, едва затрещали выстрелы мексиканских налетчиков.

Горожане Деминга не оказали грабителям никакого сопротивления. Только в районе банка и резиденции шерифа гордые янки попытались доказать нахальным «мексам», что они явно ошиблись адресом и это американская земля. Всадники революции категорически не согласились с этим утверждением. В результате вспыхнула перестрелка, закончившаяся истреблением всех несговорчивых. В сейфе банка революционеры нашли около семи тысяч долларов, которые были немедленно реквизированы в пользу «освободителей штата Нью-Мексико», о чем было написано в расписке, специально оставленной Вильей банковским работником.

Всего в налете на Деминг участвовало около двухсот человек, тогда как свыше трехсот всадников революции под командованием Камо расположились вдоль железной дороги в ожидании скорой добычи. К большому сожалению, в засаду революционеров попал не банковский экспресс, на захват которого был настроен Камо, а обычный пассажирский поезд, курсирующий между Эль-Пасо и Сан-Диего.

Как только машинист затормозил перед завалом из шпал, заботливо вывороченных мексиканцами из железнодорожного полотна, на поезд с двух сторон налетело множество вооруженных всадников, непрерывно стреляющих в воздух из ружей. Машинист попытался дать задний ход, но его маневр был тут же пресечен грозным приказом остановить поезд. Эти слова были подкреплены градом пуль, выпущенных по его кабине конными, и бедняге не остава-

лось ничего другого, как остановиться. Как только приказ был выполнен, на паровоз ворвалось несколько мексиканцев, которые с бранью выкинули вниз машиниста и его помощника.

Всем налетом заправлял всадник с черной маской на лице. По его приказу всех пассажиров вывели наружу и подвергли унижительному обыску, отбирая все ценное, что они имели при себе. Пытавшихся протестовать людей бандиты немедленно швыряли на землю лицом вниз и жестоко били прикладами по спине. Трое мужчин, закрывшись в купе, вступили с нападавшими в перестрелку, но были изрешечены пулями, выпущенными из скорострельных винтовок бандитов. В итоге добычи набралось в общей сумме на шесть тысяч долларов, которые так же пошли в казну революционной крестьянской армии.

Действия отрядов Вильи и Камо прикрывали тридцать разведчиков, прекрасно знавших местную округу. Все это время они внимательно следили за горизонтом, на случай появления пограничной стражи или местных охотников. Когда оба отряда удачно встретились в условленной точке, разведчики прикрывали отступление революционеров на случай погони, что вполне могло случиться. Горожане Деминга были людьми решительными и вполне могли устремиться за грабителями, горя праведным гневом.

Следствием набега Вильи на американскую территорию стал всплеск гнева и негодования на страницах американских газет от восточного до западного побережья. Все газетные полосы были заполнены рассказами потерпевших с ужасающими подробностями инцидента и требованиями к президенту Вильсону и американскому конгрессу самым решительным образом навести порядок и защитить жизни и имущество простых американцев.

По всему штату спешно собирались отряды самообороны из местных жителей, которые, не дожидаясь прихода регулярных частей, решили сами заняться своей защитой. Вместе с этим среди «цветного» населения штата, мексиканцев и индейцев, налет Вильи вызвал широкую волну поддержки и одобрения. Все они отнюдь не горели страстной любовью к белым, которые оттеснили их на третьи роли в жизни штата, и с радостью воспринимали любое унижение белых господ.

И Вилья полностью оправдал их чаяния и надежды. Не прошло и шести дней, как всадники революции напали на железнодорожную станцию Морелос, на которой в это время находился банковский экспресс, идущий из Эль-Пасо.

Вся операция была проведена с ювелирной точностью. На этот раз сведения, полученные от мексиканских поденщиков, оказались точными, поезд перевозил девяносто пять тысяч долларов и прибыл на станцию в указанное время. Камо, а именно он руководил налетом, атаковал станцию Морелос с двух сторон, отрядами по сто пятьдесят человек. Одновременно специально выделенные подрывники произвели подрыв обоих железнодорожных выходов со станции, чтобы не дать банковскому экспрессу вырваться из западни.

Главным героем этого дня был, конечно, Камо. Только благодаря его энергии и опыту этот налет завершился удачно для мексиканцев. Машинист экспресса вовремя заметил скачущих со стороны пустыни всадников и стал медленно уводить экспресс прочь от станции. Шквальный огонь по кабине машиниста не смог остановить поезд. Паровоз медленно, но уверенно приближался к железнодорожному выходу со станции, возле которого все еще ковырялись революционные подрывники.

Положение спас Камо. Он бросил свою лошадь наперерез паровозу и, приблизившись к нему, метнул гранату в кабину машиниста паровоза. Сам Сеньор Колонел от взрыва не пострадал, тогда как кабину машиниста разнесло в пух и прах. Поезд еще некоторое время проехал по инерции и встал. В это же время подрывники взорвали рельсы, полностью разрушив железнодорожное полотно.

Засевшая в вагонах охрана экспресса ответила нападавшим яростным огнем, решив как можно дороже продать свои жизни. Имея бронированное укрытие, охрана могла свободно стрелять по мексиканцам, неистово снующим взад и вперед перед банковским вагоном, ведя

хаотичный огонь по его окнам. Быстро оценив положение, Камо велел бойцам спешиться и вести огонь из укрытий.

Одновременно колонел позвал к себе трех бойцов, вооруженных ручными пулеметами. Он специально настоял на включении их в состав ударного отряда, решив обкатать новичков в бою. Под их огневым прикрытием отряд боевиков во главе с отчаянным сорвиголовой Мануэлем Маренго подполз к одному из концов состава и ворвался в вагоны.

Камо грамотно руководил атакой. По его командам пулеметчики то затихали, предоставляя возможность своим бойцам самим сражаться в вагонах, то заливались смертельной трелью, настигая пулями окна и стены вагонов, на которые указывал командир. Американцы оказались тоже довольно грамотными в военном отношении людьми, и вскоре Камо пришлось сменить дислокацию. Над его головой дружно просвистели пули, а один из пулеметчиков ткнулся лицом в землю с пробитой головой.

Но Сеньор Колонел не ударил лицом в грязь. Боец еще не успел затихнуть, как он подхватил выпавшее из его рук оружие и, отполз за тело убитой лошади, ответил длинной очередью своим обидчикам. В это время команда Мануэля уже добралась до бронированного вагона, в котором находились банковские охранники. Все попытки взломать дверь ударами приклада и топора окончились неудачей. Бронированные двери вагона с честью выдержали даже взрывы нескольких гранат.

По яростным крикам мексиканцев Камо узнал о неудаче молодцов Мануэля и быстрыми перебежками устремился в обход окон вагона, из которых нет-нет да и раздавались выстрелы. Оказавшись у бронированной двери, опытный налетчик сразу определил ее слабое место и махнул рукой своему ординарцу, призывая его принести саквояж, в котором находились динамитные пашки. Всю эту смертоносную начинку Камо любовно укрепил на двери и с чувством исполненного долга поджег бикфордов шнур.

Одновременно с этим кавказец отправил на крышу вагона мексиканца, который забросил гранату внутрь вагона через выходящие наружу воздушные трубы. Мощные взрывы один за другим сотрясли стены и пол сейфа на колесах. Едва искореженная взрывом дверь вагона слетела с петель, Камо мгновенно вогнал в зияющий чернотой дверной проем тугую пулеметную очередь, щедро поливая свинцом открывшееся пространство. Затем туда вновь полетело несколько гранат, и только после этого внутрь вагона ворвались бойцы Мануэля, грозно потрясая маузерами и саблями.

Произошла скоротечная перестрелка с двумя чудом уцелевшими охранниками и вскоре чрево банковского сейфа выдало налетчикам их законную добычу. Треть всей суммы была в золотом эквиваленте, что очень обрадовало мексиканцев, считавших золото куда более надежным приобретением, чем какие-то грязно-зеленые бумажки.

Еще больше их поразило то, что сделал Сеньор Колонел после погрузки добычи в кожаные мешки. Камо на глазах у всех бросил в свою шляпу несколько горстей золотых монет и, подняв руку вверх, потребовал внимания. Громким голосом он выкрикивал имя человека, по его мнению, отличившегося в бою, и когда тот выходил, торжественно вручал ему золотую монету, как памятную награду за этот бой и называл его своим боевым братом. Стоявшие в строю люди с жадностью пожирали глазами счастливого и в душе тоже страстно желали стать братом такого человека, как Сеньор Колонел.

Разгоряченные боем мексиканцы почти полностью перебили обслуживающий персонал станции, оставив в живых лишь оглохшую старуху да маленького ребенка, испуганно прятавшегося за ее юбку. Всех же охранников поезда мексиканцы ревностно добились, мстя американцам за гибель четырнадцати и ранение десяти бойцов, трое из которых умерли по дороге домой.

Кроме захвата станции и банковского поезда, армия Вильи приняла боевое крещение в стычке с американскими пограничниками и отрядом самообороны. Состоявший из местных охотников отряд,двигающийся вдоль мексиканской границы, заметил следы всадников Камо и

немедленно сообщил об этом пограничным силам. Поднятые по тревоге, они решили напасть на вторгшихся мексиканцев и устремились в погоню за ними.

Следопыты верно вели свой отряд, но неожиданно сами попали в хорошо организованную засаду. Дело в том, что, подходя к станции, Камо специально отрядил большую часть своих людей в отряд прикрытия, который и засел за придорожными холмами, охраняя тыл нападавших на Морелос. И здесь всадники революции показали хорошую выучку в отсутствие своего командира. Ведя меткий непрерывный огонь по врагу, они вначале заставили американцев спешиться, а затем стали уничтожать солдат противника одного за другим.

Охотники первыми стали неорганизованно отступать, оставив пограничников, имевших только опыт по борьбе с контрабандистами, на произвол судьбы. К своему несчастью, охотники стали отступать в сторону Морелоса, откуда уже начал свое выдвижение отряд Камо. Американцы попали из огня да в полымя. Лишь несколькими бойцам удалось ускользнуть от мексиканцев. Так же благополучно удалось бежать и нескольким пограничникам, оставив на поле боя сорок два тела своих товарищей.

От столь звучных оплеух, полученных за короткое время, Америка просто взревела, надсадно требуя немедленной сатисфакции и непременного линчевания коварного злодея, Панчо Вильи. Стоя на ступенях Белого дома, президент Вильсон перед толпой журналистов зачитал свой приказ генералу Гровсу о немедленной поимке и уничтожении важного государственного преступника Панчо Вильи, в каком месте бы он ни находился.

Вся беда для Вашингтона заключалась в том, что в районе Техаса находилась лишь одна кавалерийская бригада генерала Альберта. Все остальные части либо находились в Европе, либо на полпути к ней. Наступил октябрь, и американцев уже мало беспокоили сводки с европейских полей сражений. Теперь каждое утро они торопливо разворачивали газеты, желая узнать о продвижении войск бригадного генерала Альберта и нет ли новостей о поимке Вильи.

Президент Мексики Карранса истово клял негодного бунтаря, соротившего его с могучим северным соседом, но оказать реальную помощь своим друзьям из Вашингтона не мог. На юге страны зашевелились отряды ранее разбитого Сапаты, и поэтому мексиканский президент не мог двинуть на север ни одного своего солдата. Американский посол только негодуя фыркал, слушая слова Каррансы, а затем величественно изрек, что великая Америка сама справится с наглым мексиканским выскочкой.

Исполняя приказ президента, генерал Альберт со своей бригадой прибыл сначала в город Альбукерке. Затем, совершая быстрые переходы по прериям Техаса, добрался до Лас-Крусес, отсюда намеревался начать поиски Вильи.

Собираясь поймать «мексиканского разбойника», Альберт не собирался ограничиться одной территорией Штатов. «Если это будет нужно, мы будем преследовать противника хоть до самого Мехико», – заявил он своим офицерам.

Основные сведения о противнике Вильгельм Альберт черпал из докладов губернатора штата и газетных репортажей, которые в числах и лицах подробно описывали деяния обнаглевшего революционера. Таким образом, общая численность сил повстанцев оценивалось в пятьсот-шестьсот человек, которые конечно же не шли ни в какое сравнение с тысячей двухсот солдат бригады Альберта. Весь настрой американцев заключался только в одном: найти и наказать злодея Вилью вместе со всеми сообщниками, посмевших бросить вызов американской нации.

Камо энергично готовился к встрече «дорогих» гостей, и результатом этих приготовлений стала конфискация четырех рессорных бричек на гасьендах местных помещиков для установки на них станковых пулеметов. Вилья одобрил идею Камо, но разошелся с ним во взглядах, на что следует ставить пулеметы. Он страстно и эмоционально доказывал необходимость привлечения в качестве движущей силы автомобиля.

Их спор решил эксперимент, в котором рессорная бричка показала свое преимущество перед машиной, которую еще нужно было постоянно заправлять бензином и маслом. Скрепя сердце Вилья согласился с Камо, и, как оказалось потом, не напрасно.

С помощью присоединившихся к ним местных следопытов кавалеристы Альберта легко вышли на след отряда Вильи, который располагался на самой границе, видимо готовясь к новому нападению на американскую территорию. Как донесли разведчики, противник стоял всем табором в открытом поле, совершенно не утруждая себя маскировкой. Их общее число примерно соответствовало пятистам, что окончательно успокоило генерала. Диспозиция будущего сражения напрашивалась сама собой, и, недолго думая, Альберт приказал перейти границу и атаковать неприятеля.

Рано утром следующего дня американская бригада перешла границу и устремилась в направлении лагеря врага. Мексиканцы за прошедшую ночь не снялись со своего бивака, а даже немного продвинулись к границе, где и произошла историческая встреча отряда Вильи с бригадой генерала Альберта.

Ах, как заливисто звенели армейские трубы, призывая американских кавалеристов в атаку на противника. Как рьяно и резво несли на врага могучие кони своих седоков под гордо реющим звездно-полосатым знаменем. Словно охотники, травящие зайца или лису, устремились на врага всадники в синих мундирах с перекрещенными на тулье шляп белыми саблями.

Обнаружив приближение американцев, всадники Вильи не приняли бой и стали стремительно отходить в направлении отрогов Сьерра-Мадре, где, видимо, надеялись укрыться от вражеских клинков. Началось отчаянное состязание между двумя конными отрядами, и расстояние между ними медленно сокращалось в пользу американцев.

Генерал Альберт не остановил своих солдат, очертя голову преследовавших врагов. Если бы дело происходило в горах или хотя бы холмистой местности, у него бы возникло подозрение, что враг заманивает его кавалеристов в ловушку, но впереди была только ровная каменистая поверхность пустыни, на которой все было прекрасно видно как на ладони.

Неожиданно перед отчаянно скачущими мексиканцами возникли расположенные в ряд повозки, которые всадники старательно обходили стороной или пролетали между ними, не останавливаясь. Видя, что всадники Вильи без проблем миновали стоящие повозки, американцы не задумываясь стали повторять маневр беглецов, не придавая стоящим повозкам никакого значения.

Ничего не подозревающие кавалеристы стали уверенно сближаться с бричками, и в этот момент по ним зычно ударили станковые пулеметы, установленные на них. Горячий свинец безжалостно врзался в американских кавалеристов и в считанные секунды уничтожил их передние ряды. Большею частью от огня мексиканцев страдали лошади, и потому перед строчащими пулеметами стали вырастать завалы из убитых и раненых животных, затрудняющих движение скачущим в атаку всадникам.

Смертельные нити очередей летели навстречу разгоряченным скачкой кавалеристам генерала Альберта, однако они упорно продолжали рваться вперед, стремясь прорваться к вражеским стрелкам. Иногда это им удавалось, но едва только американцы приближались к бричкам, их забрасывали гранатами специально выделенные Камо солдаты.

Они располагались чуть впереди пулеметчиков и самоотверженно защищали ударное оружие мексиканской революции. Также вместе с ними на облучках колясок сидели по несколько стрелков, которые, согласно плану Сеньора Колонела, довершали защиту пулеметов.

Грохот взрывов гранат и хлесткие одиночные винтовочные выстрелы лишь на мгновения перекрывали треск пулеметов, которые словно состязались друг с другом в стремлении уничтожить как можно больше живой силы противника. Сидевший за одним из пулеметов Камо только яростно втягивал сквозь стиснутые зубы воздух и, громко ругаясь на родном языке, косил и косил скачущих на него врагов.

Столь мощная огневая засада была бы неубиваемым козырем в бою с войсками генерала Каррансы, но только не против звездно-полосатых кавалеристов. Столкнувшись с засадой Вильи, они не обратились в паническое бегство, а попытались обойти повозки с пулеметами с флангов.

Быстро совершив маневр, они стали плавно обтекать противника с обеих сторон, намереваясь выйти повстанцам в тыл раньше, чем они успеют развернуть пулеметы. Однако и здесь американцев ждал неприятный сюрприз. Неплохо изучив тактику конного сражения, Камо предусмотрел подобный ход врага.

Едва только пулеметчики открыли огонь, со стороны гор к ним подошел конный отряд, вооруженный скорострельными винтовками. Всего их было около трехсот человек, но их вполне хватило для отражения неприятельского наскока на фланги. Умело укрывшись за уложенными на землю лошадьми, мексиканские стрелки принялись хладнокровно выбивать несущихся на них всадников в синих мундирах. Началось смертельное состязание между живой плотью и свинцом. Возможно, выучка и опыт регулярных частей смогли бы взять верх в этом ужасном противостоянии, но этот день госпожа фортуна смотрела явно не в их сторону.

Увлечшись атакой на пулеметы противника, американцы полностью позабыли о мексиканских всадниках, погоня за которыми и привела их к засаде. Отлично сыграв роль приманки, всадники революции прекратили ложное отступление и, развернув своих разгоряченных бегом коней, вновь устремились в бой.

Этот громко кричащий клин разномастных всадников оказался той силой, которая принесла генералу Вилье полную и окончательную победу в этом сражении. Подобно живому тарану мексиканские кавалеристы врезались в бок не успевшим перестроиться янки, сначала остановили их наступление, а затем и вовсе потеснили.

К огромному несчастью для американцев, в этот момент погиб генерал Альберт, лично руководивший атакой на левый фланг противника. Чья пуля сразила американского командующего, так и осталось тайной. Возможно, ее выпустил один из стрелков Камо, укрывшись за своей лошадью. Возможно, успевший развернуть свой пулемет пулеметчик, а быть может, его сразил из своего маузера один из кавалеристов Вильи. Так или иначе, но сраженный пулей бригадный генерал на всем скаку рухнул из седла. Только благодаря смелости его адъютанта, сумевшего вывезти своего командира, генерал Альберт не остался лежать на поле боя подобно другим американцам, павшим в этот злосчастный день.

Едва весть о смерти командира стала известна солдатам, как бригада моментально развалилась на несколько отрядов, начавших самовольный отход. Теперь уже американцы яростно нахлестывали усталых коней, желая как можно быстрее спасти свои драгоценные жизни от мексиканских пуль и клинков. Всадники революции долго преследовали беглецов, и только усталость коней не позволила им увеличить число смертей в рядах янки.

Всего в этот черный для истории Соединенных Штатов день армия потеряла свыше трехсот человек убитыми и не менее пятисот ранеными. Кроме этого, двести шестьдесят человек попали в плен, большая часть из которых имели тяжелые ранения и скончались в ближайшие сутки от неоказания вовремя медицинской помощи.

Вместе с полем битвы в качестве боевого трофея победителям достался весь обоз и знамя бригады, возле которого пронырливые репортеры, прибывшие в лагерь повстанцев, торжественно запечатлели улыбающегося Панчо Вилью и его ближайших соратников. Правда, без Сеньора Колонела, не спешившего увековечить себя на страницах американской прессы.

Такого позорного разгрома американская армия не терпела еще со времен войн с индейцами. Те же газетчики, что побывали у Вильи, на страницах своих газет смачно описывали усеянное трупами американских кавалеристов пространство каменистых прерий и вместе с тем восхваляли героизм павших во главе с генералом Альбертом, чье тело было доставлено адъютантом в Санта-Фе. Специальным поездом оно было доставлено сначала на родину гене-

рала в Цинциннати, а затем в Вашингтон, где он был похоронен на мемориальном военном кладбище, по указанию президента Вильсона.

Такова была судьба погибших, тогда как все спасшиеся бегством кавалеристы, по другому приказу президента, были отданы под суд специально созданной комиссии. Пока шло разбирательство, американскому правительству было необходимо быстро восстанавливать статус-кво перед лицом мировой дипломатии.

Полковник Хаус моментально оценил всю опасность возникновения нового очага напряженности на южной границе и настойчиво рекомендовал Вильсону приостановить отправку американских войск в Европу на короткий срок.

Узнав о рекомендациях полковника Хауса, на президента началась массированная атака со стороны европейских дипломатов и военно-промышленного лобби, доказывавших Вильсону необходимость продолжения оказания помощи союзникам. Президент колебался, мучительно ища выход из сложившегося положения, который успокоил бы обе стороны, и никак не мог найти его.

По странному стечению обстоятельств, в эти дни немецкие подводники атаковали очередную трансатлантический конвой и потопили два транспорта, перевозившие американских солдат. За одну ночь в холодных октябрьских водах Атлантики погибло три тысячи восемьсот человек, и Америка погрузилась в очередной траур.

Данная трагедия позволила Вильсону на вполне законных основаниях остановить переброску войск и отдать приказ об отправке двух дивизий на мексиканскую границу. Промышленники, видя, как уплывают из их рук многотысячные прибыли, глухо ворчали о возможной причастности полковника Хауса к разыгравшейся трагедии, но дальше разговоров дело не пошло. Уж слишком сильное было бы обвинение для человека из ближнего круга президента.

Узнавший об этом Хаус собирался дать отпор своим недругам, но в это время произошло событие, полностью примирившее обе стороны и показавшее правоту опасений полковника. Еще не успели американские генералы разработать план переброски войск против мятежника Вильи, как крестьянский вождь преподнес Америке новый сюрприз. Если ранее все его действия сводились к банальному грабежу и разбою, то теперь мексиканец замахнулся на целостность Соединенных Штатов.

Ровно через неделю после сражения с генералом Альбертом, вошедшего в историю как битва возле источника Санта-Джосинта, Панчо Вилья вместе со своими сторонниками атаковал крупный техасский город Эль-Пасо, расположенный на реке Рио-Гранде. Дав взятку в две тысячи долларов коменданту крепости Сьюдад-Хуарес, расположенной на противоположном берегу, за его нейтралитет и невмешательство в действия его войска, генерал спокойно вторгся на американскую территорию по пограничному мосту.

На данный момент общая численность войск повстанцев достигла трех тысяч человек, многие из которых примкнули к крестьянскому вождю, увлеченные громкой славой его недавних побед. Не меньшей славой среди малограмотных пеонов пользовался и Сеньор Колонел, который вновь проводил на поле боя награждения золотыми монетами героев Санта-Джосинта. Многие из них немедленно превратились в талисманы или обереги, поскольку награжденные пробивали их и вешали либо на шею, либо прямо на тулью сомбреро.

Мексиканцы видели, что Камо принимал активное участие в сражении и был на волосок от смерти. Об этом свидетельствовала его шляпа, простреленная в четырех местах, и черный плащ, изрешеченный осколками гранат, взрывававшихся в опасной близости возле его коляски. Немедленно пошли слухи, что Камо заговорен, что только усилило его популярность среди повстанцев, в чьих сердцах под тонким слоем христианства оставалось языческое верование.

Камо внимательно следил за положением в Эль-Пасо, еженедельно получая самые последние новости из города. В нем не было регулярных войск, присутствие которых замещали

полицейские и отряд пограничной стражи, привыкшей обирать мексиканских поденщиков и торговцев, каждый день приходивших в город в поисках работы и торговли своими товарами.

Рано утром, когда американцы еще не успели как следует проснуться, конная армада смела жидкий заслон пограничников на мосту через Рио-Гранде и ворвалась в город.

Так в Америку пришла та дикая и страшная сила, появление которой развлекало сливки техасского общества несколько лет назад. Тогда, наблюдая в бинокли через реку за мексиканцами, богатые плантаторы делали ставки на победу той или иной стороны, сражающейся за горящие кварталы Сьюдад-Хуарес.

Тогда это было великолепным аттракционом, безопасным развлечением, которое, по мнению американцев, никогда не посмеет пересечь течение Рио-Гранде. Однако прошло некоторое время, и революция нагло перешагнула священную границу, решив пощекотать острой саблей нежное подбрюшье американской империи.

Город практически не оказал какого-либо сопротивления. В различных кварталах Эль-Пасо вспыхивали спорадические перестрелки, которые постепенно затихали в связи с гибелью несогласных американцев. Грабеж Эль-Пасо длился три дня. Вереницы нагруженных людей сновали через пограничный мост туда и обратно, смело вывозящих из захваченного города все то, что им понравилось.

Камо не стремился ограничить действия своих солдат в захваченном городе, наоборот, это было ему только на руку. Чем сильнее мексиканцы потрясут город, тем дольше американцы не смогут отправить свои войска за океан. Одним словом, ничего личного, господа, только бизнес.

Сразу после захвата Эль-Пасо он заставил Вилью объявить всему миру, что восставшие мексиканцы пришли сюда не просто пограбить ради удовольствия, а требуют возвращения Техаса, напомнив янки, что это исконно мексиканские земли, коварно отобранные у Мехико в прошлом веке. Вилья заявил, что от имени мексиканского народа разрывает кабальный договор, подписанный с Соединенными Штатами генералом Санта-Анной. Кроме Техаса Вилья претендовал на земли Нью-Мексико и Калифорнии, которые также были отобраны американцами у своего южного соседа.

Заявление мексиканского вождя произвело настоящий фурор по обе стороны Рио-Гранде. В Мексике Вилья стал живым национальным героем, тогда как в Америке его заочно приговорили к смерти на электрическом стуле за все его прегрешения перед Господом Богом и американским народом.

Все эти дни Вилья просто купался в лучах своей славы, принимая прошения от многочисленных визитеров, разом объявившихся в захваченном Эль-Пасо, над которым теперь гордо развевался мексиканский флаг. А скромный труженик невидимого фронта товарищ Камо торопливо обучал военному делу вновь прибывших новобранцев, из которых за считанные дни нужно было создать железных бойцов революции.

Ничуть не проще обстояли дела и в Афганистане. Генерал Ридженс точно и в полном объеме исполнял полученный от вице-короля Индии приказ об усмирении афганских бунтарей. Недавно прибывший из Англии генерал не был знаком со всеми восточными тонкостями, соблюдение которых позволяло британцам удерживать в повиновении туземные племена, да и мало стремился к этому. В его понимании добиться покорности от этих азиатов можно было только с помощью оружия и страха, которое оно должно внушать провинившимся дикарям. У Ридженса имелся определенный опыт по устрашению негритянских племен в Африке, и он не собирался отступать от него. По его приказу каратели принялись разорять все кишлаки и селения, оказавшиеся на пути движения их армии.

Едва английские солдаты вступили на земли Амануллы-хана, как немедленно запылали низенькие афганские дома, были вырублены все плодоносные сады, и спасшиеся от сабель и

пуль солдат первого драгунского батальона вице-короля Индии афганцы устремились к Кабулу в поисках защиты от врага.

Воинство Ридженса только на бумаге гордо именовалось армией вице-короля Индии, тогда как на деле ее численность едва-едва достигала двух с половиной тысяч человек, все остальное давно было отправлено в ненасытное горнило фронтов империи. Основу этих сил составлял батальон драгунов, общее количество которых достигало девятьсот пятьдесят человек. Главным образом это были выходцы с английских равнин, слегка разбавленные уроженцами Австралии, Новой Зеландии и самой Индии. Кроме этого, в состав армии входили подразделения индийских племен, состоявших на службе у его величества короля Эдуарда, в лице сикхов и пуштунской кавалерии.

Отправляясь на подавление мятежа, генерал Ридженс очень надеялся, что сможет быстро занять Кабул, и если не поймать Аманулла-хана, то хотя бы посадить на его престол кого-то из афганской знати, более послушного и покорного воле Британии. Такие желающие устроить свои дела за счет великой державы всегда найдутся в любой стране. В этом Ридженс нисколько не сомневался, уж чего-чего, а в подобных вещах у британской имперской дипломатии был большой опыт, наработанный за многие годы.

Джелалабад встретил незваных гостей пустыми кривыми улочками, по которым испуганно сновали нищие и бездомные собаки. Все население города попряталось за глинобитными дувалами своих низеньких домов, боясь высунуть нос. Подобная покорность очень не понравилась генералу Ридженсу, который почти за каждым забором видел притаившихся мятежников или сочувствовавших им заговорщиков.

Собрав старейшин города, Ридженс в ультимативной форме потребовал от них немедленно обеспечить английскую армию фуражом и провизией на три дня. Напрасно пуштунские офицеры пытались урезонить британского генерала в его манере общения. Высокий лорд считал, что с этим народом следует обращаться только так и никак иначе.

Стоит ли удивляться, что к указанному сроку требуемое не было принесено в лагерь британцев, и тогда генерал отдал приказ о насильственном изъятии у местного населения фуража и продовольствия. Драгуны принялись вламываться в дома и при малейшем оказании сопротивления стреляли или рубили саблями несчастных хозяев. Прибывшие с генералом пуштуны хмуро смотрели на творимое британцами насилие, ведь в Джелалабаде было много их соплеменников. Поэтому после короткого совещания они выставили у большинства домов своих сородичей по конному воину и сами провели конфискацию провианта и фуража, не допуская в дома англичан.

Ровно сутки провели британцы в Джелалабаде, покинув город в полной уверенности в своей силе и безнаказанности. Но вскоре им пришлось жестоко пожалеть. Новое поколение британских солдат и офицеров успело позабыть прежние уроки афганских войн.

Противник ударил по британцам коварно и неожиданно, когда они проходили очередную каменную гряду по дороге на Кабул. Шедшая по маршруту конная разведка пуштунов не обнаружила никаких признаков притаившейся за камнями засады, и английские войска медленно втянулись в горловину прохода.

Место нападения было выбрано афганцами с полным знанием дела, поскольку раздался сразу после мощный взрыв динамитных шашек – и огромная масса камней устремилась вниз, полностью отсекая часть батальона английских драгунов от остальных войск его величества.

Главный удар скальной лавины пришелся на солдат второй роты, особо проявивших себя в недавних бесчинствах в Джелалабаде. Неуправляемый поток камней моментально снес несколько десятков человек, навечно похоронив их под многотонными горными глыбами. Сразу же вслед за этим со стороны гор на британцев обрушились многочисленные залпы из винтовок, которые были поддержаны стрекотом ручного пулемета.

Пораженные столь внезапной гибелью многих своих товарищей, британцы стали испуганно метаться из стороны в сторону, не в силах понять, откуда ведется губительный огонь по их рядам. Прыгая подобно зайцам, англичане стали поспешно отступать от завала, не дожидаясь генеральского приказа. Уж больно губителен был огонь засевших на склонах афганцев. Беспорядочно отступавшие драгуны налетели на идущих следом за ними пуштунов, образовав большую пробку, на которую афганцы незамедлительно перенесли огонь.

Прошло около двадцати минут, когда англичане наконец-то развернули свои пулеметы, под прикрытием которых солдаты смогли пойти в атаку на коварного, воюющего не по правилам врага. Но едва только пехотные цепи стали приближаться к месту засады, как солдат ждал новый сюрприз. Почти никто не услышал хлопков выстрелов, но противное завывание мин, летевших в их сторону, британские солдаты услышали сразу.

Те, кто выпускал по врагу мины, имели очень мало практики в умении обращаться с минометом. Мины ложились то слишком близко, то слишком далеко от британцев, но сам факт наличия у противника минометов полностью охладил желание англичан идти в бой. Все, на что они были способны, это огневая дуэль с противником лежа за каменным укрытием, спокойно дожидаясь, когда выдвинутся вперед сикхи и пуштуны, умевшие превосходно лазить по горам.

Бой закончился так же внезапно, как и начался. Афганцы с самого начала не планировали полный разгром или уничтожение своего врага, довольствуясь лишь тем, что смогли уничтожить определенное количество солдат противника, до которого смогли дотянуться.

Когда звуки выстрелов полностью стихли и стало ясно, что враг отступил, британцы смогли преодолеть каменный завал, за которым их глазам предстала страшная картина. Везде по каменной осыпи валялись тела их товарищей, которые были еще теплыми, с множеством пулевых ран. Как выяснилось потом, афганцы специально добивали всех раненых солдат, не имевших возможность укрыться или отползти от их ужасного огня. В головах многих из них зияли огромные дыры, вызванные попаданием охотничьих пуль, которые обычно применяются в охоте на слонов.

В результате нападения афганцев вторая рота драгунского батальона понесла очень большие потери. Девяносто четыре человека погибли под упавшей каменной лавиной или пали от пуль противника, еще пятьдесят два человека получили ранения. От пуль мстителей спаслись лишь двенадцать человек, которые вопреки логике не стали пробиваться на соединение с остальными силами, а, прячась за камнями, устремились вперед, вслед за конной разведкой пуштунов, и благополучно вышли из зоны вражеского обстрела.

Еще пятнадцать человек были убито и сорок один ранен по другую сторону завала в результате неудачной попытки англичан штурмовать горные склоны. Ридженс метал гром и молнии направо и налево, обвиняя разом всех в тупости, трусости и предательстве. Особенно досталось конным разведчикам пуштунам, которые не заметили вражескую засаду. Генерал забросал разведчиков упреками и оскорблениями, от которых у пуштунов темнели лица. В сложившейся обстановке подобное поведение британца было очень глупым, но Ридженса, что называется, несло.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.